ДОЛГ У ПРИЧАЛА

АРКАДИЙ ТИХОНОВ

Аркадий Тихонов

Долг у причала

«Автор»
2026

Тихонов А.

Долг у причала / А. Тихонов — «Автор», 2026

До пенсии следователю Сергею Ладину остался год, и убийство диспетчера в речном порту кажется делом, которое можно закрыть быстро. Улики указывают на крановщика Илью Шорохова: его перчатка лежит у тела, он врёт о времени ухода и скрывает многолетние выплаты бывшему напарнику. Но ложь свидетеля выросла из старого долга, а не из убийства.Чтобы не отправить невиновного в тюрьму, Ладину придётся отказаться от собственной удобной версии и заново пройти путь преступника — от ангара и весовой до тёмного причала. За каждым следом открывается новый долг: двойная бухгалтерия, давление на работников, поддельное алиби и авария, правду о которой порт скрывал двенадцать лет. Честный детектив о цене подписи, силе проверяемых фактов и свете, который не делает воду прозрачной, но помогает увидеть следующий шаг.

© Тихонов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Старый причал 6
Глава 2. Четыре минуты 14
Глава 3. Вес одной машины 23
Глава 4. Человек, который кормит город 32
Глава 5. Сухой канат 38
Глава 6. Перчатка 43
Глава 7. Старый долг 49
Глава 8. Чужая смена 57
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Аркадий Тихонов
Долг у причала

От автора

Ложь почти никогда не приходит на допрос одна. Человек скрывает старый стыд, чужие деньги, обещание, которое не сумел выполнить, — и со стороны каждая такая тайна выглядит частью преступления. Следователю особенно легко ошибиться, когда ложь удобно совпадает с уликами, а окружающим нужен быстрый и понятный виновный.

«Долг у причала» — детектив о цене этой поспешной ясности. В нём порт живёт не декорацией, а общим делом небольшого города: здесь один предприниматель платит сотням людей, одна остановленная смена отзывается в чужих кухнях, а неверное обвинение может показаться разумной платой за порядок. Но свобода человека не становится дешевле оттого, что правда неудобна большинству.

Все важные детали загадки появляются до развязки. За ними можно следить вместе с Сергеем Ладиным — или просто наблюдать, как опытный человек учится сомневаться в собственном опыте. Эта история не о безошибочном сыщике. Она о том, что ошибка ещё не делает несправедливость неизбежной, если хватает мужества остановиться, вернуться к началу и проверить каждый шаг.

Глава 1. Старый причал

Телефон зазвонил в двадцать три сорок семь, когда Сергей Андреевич Ладин уже снял очки и собирался погасить свет на кухне. За окном дождь бил по отливу коротко и зло, как будто кто-то сыпал горох из пригоршни. В раковине стояла одна чашка. Ладин посмотрел на неё, прежде чем взять трубку, и успел подумать, что утром всё равно придётся мыть.

Дежурный говорил быстро, но не сбивался. В речном порту, у старого причала, нашли мужчину без сознания. Портовый врач приехал первым и констатировал смерть. На месте охрана, патруль и начальник ночной смены. Фамилию погибшего уже знали: Павел Антонович Ремезов, сорок шесть лет, сменный диспетчер.

— Кто врач? — спросил Ладин, хотя вопрос не имел отношения к тому, выезжать или нет.

Дежурный помолчал ровно столько, чтобы ответ стал ненужным.

— Марина Сергеевна.

Ладин надел очки. Оправа зацепилась за волосы на виске.

— Группу подняли?

— Криминалист уже едет. Оперативник Киселёв заберёт вас через семь минут.

— Пусть не сигналит во дворе.

Он положил трубку и ещё раз посмотрел на чашку. Вымыл её, вытер стол, проверил газ, хотя не готовил, и только потом пошёл в прихожую. Такие движения занимали меньше минуты, зато квартира после них оставалась в состоянии, к которому можно было вернуться. Он давно заметил: люди называют привычку порядком, пока она им помогает, и причудой, когда начинает мешать.

До его шестидесятилетия оставалось девять месяцев. До пенсии — год и двенадцать дней, если отдел кадров снова ничего не перепутал. Эту цифру ему назвали утром на совещании, будто срок хранения. Ладин тогда кивнул и записал в блокнот рядом с номером пропавшего велосипеда. Теперь цифра всплыла сама, когда он натягивал плащ.

Киселёв всё-таки коротко посигналил. Ладин вышел, не запирая второй замок, и сел на переднее сиденье.

— Простите, Сергей Андреевич. Рука сама.

— Руку можно обучить.

Оперативник был моложе его дочери и за рулём постоянно извинялся — перед пассажирами, ямами, встречными машинами. Дворники метались по стеклу, но город всё равно расплывался. Ночные магазины казались аквариумами, в которых продавцы жили отдельно от дождя. У поворота на порт дорога стала хуже, фары запрыгали по лужам.

— Говорят, упал с настила, — сказал Киселёв. — Или подрался и упал. Голова разбита.

— Кто говорит?

— Охранник по рации передал.

— Значит, пока никто.

Киселёв кивнул. Он уже научился не обижаться на такие поправки, но ещё не научился обходиться без них.

Порт Северный Плёс начинался не с воды, а с забора. За металлическими секциями стояли штабеля контейнеров, и в дождевой темноте их углы висели один над другим, словно окна домов без жильцов. Над проходной горели две белые лампы. Третья мигала. Охранник поднял шлагбаум, не проверив документы, и тут же отвёл глаза от Ладина.

— Запишите, что въехали в ноль ноль девять, — сказал Ладин.

Охранник потянулся к журналу.

— Я потом по камере…

— Сейчас запишите.

Киселёв тихо вздохнул, но остался ждать, пока ручка коснётся бумаги.

Старый причал находился за ремонтным ангаром, где портовый асфальт заканчивался и начинались бетонные плиты. Днём здесь швартовали небольшие баржи, а ночью оставляли пустые тележки и списанное оборудование. Машина остановилась у ленты, которую патрульные натянули между столбом и ржавой лестницей. Дождь успел превратить землю у обочины в густую серую кашу.

Ладин вышел и сразу услышал воду. Река была в десяти шагах, но в темноте казалась гораздо ближе: шлёпала под настилом, тянула мелкий мусор вдоль свай. Над основным причалом светили прожекторы. Здесь единственный фонарь был разбит, и в чёрном плафоне поблёскивали остатки стекла.

Тело лежало на боку возле швартовной тумбы, лицом к реке. С первого взгляда можно было решить, что человек поскользнулся, ударился о край бетона и остался там, куда упал. Правая рука вытянута вперёд, пальцы согнуты. У ладони лежала рабочая перчатка из толстой серой кожи. Вторая рука была прижата к животу. Куртка погибшего промокла на плечах и спине, а ниже пояса ткань казалась темнее.

Марина стояла под навесом в белом медицинском плаще, поверх которого накинула жёлтую портовую куртку. Волосы она убрала под капюшон. Рядом с ней переминался полный мужчина в каске — должно быть, начальник смены. Марина увидела отца, но не двинулась навстречу.

Ладин тоже не двинулся. Сначала спросил у патрульного, кто входил за ленту, где стоял нашедший тело и накрывали ли погибшего. Патрульный отвечал по блокноту: сторож Гуляев подошёл со стороны ангара, потрогал шею, вызвал медпункт и охрану; Марина осмотрела мужчину; затем место оградили. Начальник смены прошёл почти до тела, но его остановили.

— Почти — это где?

Патрульный показал на мокрый след ботинка у края плиты.

— Здесь.

— Отметьте.

Криминалист ещё не приехал. Ладин надел бахилы поверх ботинок и остановился перед лентой. В свете переносной лампы дождь шёл косо, каждая капля на миг становилась серебряной. Вокруг тела уже собиралась вода. Через полчаса она унесёт то, что сейчас ещё можно увидеть.

— Фотографировали до того, как поставили лампу? — спросил он.

— Марина Сергеевна сняла на телефон, — ответил патрульный.

Ладин посмотрел на дочь.

— Служебный, — сказала она. — Общие планы и положение тела. Ничего не трогала, кроме шеи и зрачков. Время осмотра — двадцать три двадцать девять.

Она говорила так, как говорила с ним на работе: отчётливо, без лишних слов. Последний их разговор дома закончился иначе. Марина сказала, что он умеет слушать только те ответы, которые заранее разложил по клеткам. Он спросил, что конкретно она имеет в виду. После этого она засмеялась, взяла сумку и ушла. С тех пор прошло двадцать три дня.

— Причина смерти? — спросил он.

— Я констатировала смерть. Причину даст эксперт.

— Предварительно.

Марина посмотрела на него поверх поднятого воротника.

— Тяжёлая травма головы. Но я бы не называла это падением, пока не осмотрят нормально.

Начальник смены шумно переступил с ноги на ногу.

— Там край железный, Сергей Андреевич. Если виском… Мы сколько раз просили ограждение заменить.

— Ваша фамилия?

— Храмцов. Олег Петрович. Я ночной начальник.

— Олег Петрович, пока я не спрашиваю, как погиб Ремезов. Я спрашиваю, что вы видели.

— Я его вот таким и увидел.

— Откуда пришли?

Храмцов показал на дорожку от административного корпуса. Его рукав блестел от дождя, а каска была почти сухой. Ладин отметил это и ничего не сказал.

К причалу подъехал фургон экспертной службы. Криминалист Буров выбрался из него, держа чемодан над головой, хотя сам был в непромокаемом комбинезоне.

— Доброй ночи, Сергей Андреевич.

— Она уже нет, Виктор Михайлович.

Буров усмехнулся и попросил всех отойти. Началась медленная работа, во время которой нетерпеливые люди всегда считают, что ничего не происходит. Сначала фотографировали общий вид, затем подход, края плит, тело, руки, одежду, тумбу, лестницу и воду. Поставили номерки возле перчатки и двух осколков стекла. Проверили карманы, не меняя положения тела. Нашли ключи, пропуск, сложенный лист с телефонными номерами и две монеты. Телефона не было.

— Диспетчер без телефона? — спросил Киселёв.

Храмцов ответил сразу:

— Он с ним не расставался. Даже в душ таскал, в пакет заворачивал.

Ладин повернулся к начальнику смены.

— Вы давно знали Ремезова?

— Лет десять. Скользкий был человек, но работу знал.

— Что означает «скользкий»?

— Ну… себе на уме. Мог сегодня одно сказать, завтра другое.

— Тогда это означает «не нравился вам». Остальное потом.

Буров присел возле головы погибшего. Повреждение находилось за левым ухом и уходило к затылку. Кровь размыло дождём, но на воротнике сохранилась тёмная полоса. Ладин смотрел не на рану, а на воду вокруг. Если человек упал здесь, кровь должна была попасть в неглубокую выбоину у края плиты. Там стояла почти чистая дождевая вода.

— Видите? — тихо спросила Марина.

Она подошла к ленте, но не переступила её.

— Что именно?

— Плечо и спина мокрые сверху. Левый бок почти сухой под рукой. Брюки сзади промокли насквозь, хотя он лежит на правом боку. И температура тела не совпадает с тем, сколько он якобы лежал здесь под дождём.

— Насколько не совпадает?

— Не заставляй меня выдавать часы по ладони и воздуху. Я говорю, что тело могло остывать в другом месте. Более сухом.

Слово «могло» Ладин уважал. Оно оставляло место проверке.

— Ты видела следы волочения?

— Я видела складку куртки под лопаткой и грязь на подошвах, которой здесь нет. Остальное пусть смотрит эксперт.

Буров поднял голову.

— Марина Сергеевна права насчёт грязи. На каблуке мелкая металлическая пыль. Здесь у нас бетон и речной песок.

Храмцов кашлянул.

— Ангар рядом. Он мог перед этим туда заходить.

— Мог, — согласился Ладин. — Когда вы видели его последним?

— На планёрке, около десяти.

— Около — это до или после?

— В двадцать один пятьдесят пять начали. Он ушёл через десять минут.

— Куда?

— В диспетчерскую, наверное.

— Вы видели, как он пошёл в диспетчерскую?

— Нет. Но куда ещё?

Ладин записал точные слова. Люди редко замечали, как быстро предположение превращалось у них в воспоминание, особенно если предположение было удобным.

Буров попросил помочь повернуть тело после очередной серии снимков. Под курткой на спине обнаружилась широкая влажная полоса, будто погибший некоторое время лежал на мокрой ровной поверхности. На правом локте ткань была содрана, но кожа под ней почти не повреждена.

— Куртку порвали отдельно от руки, — сказал Буров. — Возможно, тянули.

— Или зацепился до падения, — заметил Киселёв.

— Или так. Мы сегодня щедрые, всем версиям по миске.

Ладин отошёл на два шага и посмотрел на место целиком. Тело у воды. Разбитый фонарь. Перчатка возле руки. Слишком хорошо расставленные предметы обычно замечают не потому, что они выглядят искусственно, а потому, что взгляд нигде не задерживается. Всё уже объяснено за тебя: человек пришёл, поссорился, получил удар или упал, убийца потерял перчатку, темнота помогла скрыться. Оставалось только вписать имя.

Он поднял лампу и направил свет выше, на толстый швартовный канат, протянутый от тумбы к пустой барже. Канат потемнел от дождя почти целиком. Только на участке длиной с ладонь волокна оставались светлее.

— Буров.

Криминалист подошёл, проследил луч и ничего не сказал. Потом достал камеру.

— Тень? — предположил Киселёв.

— От дождя тень не защищает, — ответил Ладин.

Светлая полоса проходила сверху и немного сбоку. Под ней канат уже намокал, но медленнее остальной поверхности. Значит, когда дождь начался, здесь что-то лежало или было перекинуто. Потом это сняли.

— Могла висеть куртка, — сказал Храмцов.

— Чья?

— Не знаю. Рабочие сушат что попало где попало.

— Под дождём?

Храмцов замолчал.

Буров поставил номерок у тумбы, сделал снимки с линейкой и осторожно взял пробу с волокон.

— Давление было, — сказал он. — Волокна примяты. Может, стропа. Может, край брезента с грузом. На глаз не женимся ни на одной версии.

Ладин посмотрел на баржу. Между бортом и причалом чёрная вода вздрагивала под дождём. Если телефон Ремезова бросили туда, течение могло уже протащить его к нижним сваям. Если там же было орудие, ночь работала против них.

— Нужны водолазы утром, — сказал он Киселёву. — Сейчас поставить сетку ниже по течению, если портовые умеют и это безопасно. Без самодеятельности. Проверить камеры от ангара до проходной. Скопировать записи до того, как кто-нибудь решит, что диск переполнен.

— Сделаю.

— И найди сторожа, который обнаружил тело. Не везите его в отдел, поговорим здесь, пока дорога в памяти свежая.

Киселёв ушёл к машине. Храмцов проводил его взглядом.

— Сергей Андреевич, вы порт остановите?

— Пока только этот участок.

— У нас в шесть разгрузка. Если перекроете проезд у ангара, встанет второй кран. А там люди, график, штрафы.

— Человек уже лежит.

— Я понимаю. Не подумайте. Я просто должен сообщить наверх.

— Сообщайте факты. Не мои будущие решения.

Храмцов отошёл под навес и немедленно достал телефон. Экран осветил снизу его круглое лицо.

Марина сняла капюшон. Влажные волосы прилипли к щеке. Ладин хотел спросить, когда она успела поесть и почему дежурит третью ночь за неделю, но оба вопроса прозвучали бы как проверка. Он спросил другое:

— Ты приехала одна?

— С водителем медпункта. Он в машине.

— Тебе нужно остаться для объяснения.

— Я знаю порядок, папа.

Последнее слово она произнесла тихо, чтобы не слышали остальные. Не мягче — просто тише.

— Фотографии передай Бурову. Оригиналы не удаляй.

— Тоже знаю.

Он кивнул. Марина постояла рядом, глядя не на отца, а на разбитый фонарь.

— Когда я приехала, лампа над ангаром горела, — сказала она. — А здесь было темно. Я попросила водителя направить фары, но он не мог подъехать близко из-за тележки.

— Какой тележки?

— Пустой платформы на дорожке. Потом Храмцов велел рабочему откатить её, чтобы проехала охрана.

Ладин медленно повернулся к ней.

— Тележку передвинули до оцепления?

— Да. Я сказала не трогать, но они уже взялись. Она стояла поперёк между ангаром и этой площадкой.

— Кто передвинул?

— Двое рабочих. Одного зовут Антон, второго не знаю. Храмцов знает.

Ладин посмотрел под навес. Начальник смены всё ещё говорил по телефону и теперь стоял к ним спиной.

— Почему патрульный не записал?

— Потому что к его приезду тележка уже стояла у стены.

— А ты почему не сказала сразу?

Марина повернулась к нему. В её лице появилось то выражение, которое он видел двадцать три дня назад у неё дома.

— Я сказала дежурному, когда вызывала. И сказала тебе сейчас, как только ты закончил осмотр. Я не знала, что должна перебить твой разговор, чтобы информация стала существовать.

Ладин почувствовал готовый ответ: на месте смерти перебивать можно и нужно. Ответ был правильным, а потому особенно опасным. Он удержал его.

— Хорошо. Покажешь, где стояла.

Марина коротко кивнула.

Тележку нашли у боковой стены ангара. Низкая металлическая платформа на четырёх колёсах была мокрой, хотя сверху её частично прикрывал свес крыши. На рифлёной поверхности блестели свежие потёки. Кто-то явно поливал её водой: грязь собралась у одного борта пенистой полосой.

— Её мыли, — сказал Буров, подойдя с фонарём.

Храмцов уже закончил звонок и теперь торопился к ним.

— Тележки после смены всегда моют. Там цемент, пыль, масло.

— Кто мыл эту? — спросил Ладин.

— Не знаю. Ремонтники.

— Вы приказали её передвинуть?

— Она мешала проезду.

— Вы видели её до того, как нашли Ремезова?

— Не помню.

— Десять минут назад вы помнили, где Ремезов был около десяти.

— Это другое.

— Именно.

Буров присел возле заднего колеса. В узкой щели между ступицей и защитным кожухом застряла нитка — тёмная, мокрая, при свете фонаря отдающая синим. Он не стал вытаскивать её сразу, сначала сфотографировал.

Ладин вернулся взглядом к телу. Куртка Ремезова была синей. Издали, под дождём, почти чёрной.

Это ещё ничего не доказывало. В порту половина рабочих носила синюю одежду, а тележка могла зацепить нить неделю назад. Но теперь между ангаром и причалом возник путь. Не линия на плане, а вещь, которую кто-то поспешно отмыл и откатил до приезда полиции.

Со стороны проходной подъехала ещё одна машина. Из неё вышел подполковник Зуев, начальник районного отдела. Зонта он не взял и уже через несколько шагов промочил плечи форменного пальто.

— Сергей Андреевич, на минуту.

Они отошли к машине. Зуев говорил негромко, поглядывая на Храмцова и рабочих у ангара.

— Мне звонил глава района. Ему звонил Гранов. Утром приходит баржа, там груз на областную стройку. Осмотр делаем как положено, но весь порт не запечатываем.

— Я и не собирался запечатывать весь.

— Отлично. Ещё говорят, есть очевидный человек. Крановщик Шорохов. Поссорился с погибшим, ушёл неизвестно куда, его перчатка возле тела.

— Кто говорит?

— Портовая охрана.

— Перчатку ещё не идентифицировали.

— Я поэтому и говорю: без выводов. Просто проверьте его первым. Чем быстрее отделим производственную драку от прочего, тем меньше будет шума.

Ладин посмотрел на разбитый фонарь, сухую полосу на канате и вымытую тележку. «Производственная драка» уже появилась, хотя ни одного человека ещё толком не опросили.

— Проверим, — сказал он.

— У тебя последний год, Сергей Андреевич. Не хочу, чтобы под конец повисло дело, которое можно раскрыть за сутки.

Зуев хлопнул его по плечу и ушёл к Храмцову. Жест был дружеским. В отделе почти все жесты начальства были дружескими, пока не становились строкой в приказе.

Киселёв привёл сторожа Гуляева — худого мужчину в ватнике, пахнущем мокрой собакой и табаком. Тот нашёл Ремезова во время обхода. Шёл от склада вдоль ангара, заметил тёмное пятно у воды, позвал, потом подошёл. Фонарь уже не горел. Тележку он не помнил.

— А машину слышали? — спросил Ладин.

— Машины всю ночь. Тут порт.

— Не все. Рядом с этим причалом.

Гуляев потёр ладонью подбородок.

— Фургон будто тарахтел. Белый. Я ещё подумал, чего он без света задом ползёт. Но это раньше было.

— Насколько раньше?

— Минут двадцать. Может, тридцать.

— Откуда ехал?

— От ангара. Или от весовой. Там одна дорожка сначала.

— Водителя видели?

— Нет.

— Номер?

— Я же не знал, что человека найду.

Ладин не стал объяснять, что это не упрёк. Записал: белый фургон, без света, от ангара или весовой, ориентировочно между двадцатью двумя сорока пяти и двадцатью тремя пятью. Время было рыхлым. Позже его придётся стянуть независимыми отметками.

Буров закончил первичный осмотр. Тело готовили к перевозке. Перчатку упаковали отдельно. На внутренней стороне манжеты виднелась выцветшая надпись маркером: «И. Ш.».

Киселёв прочитал через прозрачный пакет.

— Илья Шорохов.

— Возможно, — сказал Ладин.

— Храмцов говорит, его перчатки. И они с Ремезовым сегодня сцепились.

— Сцепились — это били друг друга?

— Ругались в диспетчерской. Из-за ночной перестановки контейнера.

— Кто слышал?

— Трое рабочих.

— Где сейчас Шорохов?

Киселёв отвёл взгляд к проходной.

— Домой не приехал. Телефон выключен. Машина вышла через проходную в двадцать два четырнадцать.

— По журналу?

— По камере. В журнале стоит двадцать два десять.

Четыре минуты были слишком малой разницей, чтобы делать вывод, и достаточно большой, чтобы начать проверку. Особенно если кто-то торопился записать удобное время.

Ладин открыл блокнот на новой странице. Вверху написал фамилию погибшего. Ниже — четыре предмета: фонарь, канат, тележка, перчатка. Потом добавил: телефон, белый фургон, время проходной.

Марина стояла у медицинской машины. Водитель уже включил двигатель. Ладин подошёл к ней.

— Объяснение возьмут утром, — сказал он. — Фотографии Буров скопировал.

— Хорошо.

— Спасибо за тележку.

Она посмотрела внимательно, будто проверяла, нет ли после этих слов требования или поправки.

— Пожалуйста.

— Марина.

— Не сейчас, папа.

Он кивнул. На этот раз «не сейчас» означало только время, а не отказ навсегда. Или ему хотелось так думать.

Когда медицинская машина уехала, дождь начал стихать. Капли уже не звенели по металлической крыше ангара, а падали порознь. В сереющем небе проступили верхушки кранов. Порт готовился к утру, будто смерть одного человека была задержкой, которую можно наверстать следующей сменой.

Ладин велел опечатать диспетчерскую, весовую и белый фургон, если его найдут. Проезд через старый причал оставили закрытым. Остальные участки могли работать после фиксации тех, кто заступал ночью. Зуев недовольно посмотрел на слово «весовая», но спорить при людях не стал.

— Теперь куда? — спросил Киселёв, когда они сели в машину.

Ладин не ответил сразу. Через лобовое стекло он видел, как Храмцов разговаривает с охранником. Тот самый журнал въезда лежал на стойке под лампой. Рядом мигал монитор камеры. Где-то за контейнерами стояла весовая, из которой Ремезову звонили или куда звонил он сам. А в городе ехал человек, чья перчатка лежала возле мёртвого и чьё время ухода уже расходилось на четыре минуты.

Удобный порядок действий был очевиден: найти Шорохова, получить признание, подобрать к нему мотив. Ладин слишком долго работал, чтобы презирать очевидное. Но опыт учил и другому: если место происшествия само подсказывает фамилию, нужно сперва спросить, кто хотел, чтобы ты её прочитал.

— Сначала к Шорохову, — сказал он. — Потом вернёмся и восстановим всю смену Ремезова по минутам. Не по журналу. По людям, камерам, звонкам, чайникам — по всему, что не умеет заранее договариваться.

Киселёв завёл двигатель.

За их спиной рабочий выключил переносную лампу. Старый причал снова провалился в темноту, но теперь Ладин знал: темнота здесь появилась не сама.

Глава 2. Четыре минуты

Шорохова нашли не дома и не в гараже, а у закрытой паромной переправы на другом конце города.

Серый «Логан» стоял под знаком «Въезд запрещён», носом к реке. Фары были погашены, двигатель работал. В салоне сидел один человек и смотрел туда, где за дождевой мглой должна была быть противоположная пристань. Паром перестал ходить месяц назад, когда уровень воды упал. На воде темнели только бакены да редкие огни буксиров.

Киселёв заметил машину первым. Он сбросил скорость и потянулся к рации.

— Без сирены, — сказал Ладин. — И поставь поперёк, чтобы не решил уехать.

Шорохов увидел их, когда служебная машина перегородила выезд. Не рванул с места, не запер двери. Просто выключил двигатель и положил обе ладони на руль. Правая была в рабочей перчатке. Левая — голая.

Ладин подошёл со стороны водителя. За стеклом виднелось широкое лицо с припухшими веками. Шорохову было чуть больше сорока, но в тусклом свете он казался старше. На пассажирском сиденье лежала куртка, на полу — пустой бумажный стакан и пластиковая папка с документами.

— Илья Николаевич?

Шорохов опустил стекло.

— Да.

— Следователь Ладин. Выйдите, пожалуйста.

— Ремезов?

Ладин не ответил вопросом на вопрос.

— Выйдите из машины.

Шорохов посмотрел мимо него на Киселёва. Потом снял правую перчатку, положил её рядом с ручником и вышел. Он был высокий, сутулый, в тёмном свитере с портовой эмблемой. От него пахло машинным маслом, сырой шерстью и кофе.

— Что с Ремезовым? — спросил он.

— Он погиб.

Шорохов медленно вдохнул. Рот приоткрылся, но ни звука не вышло. Он повернул голову к реке, будто там можно было увидеть старый причал.

— Как?

— Это мы выясняем. Где вы были после смены?

— Здесь.

— Всё время?

— Почти.

Первое неточное слово появилось раньше, чем Ладин успел достать блокнот.

— Когда вы приехали?

— Не смотрел.

— Телефон у вас?

Шорохов похлопал по карманам, словно только теперь заметил их пустоту.

— Разрядился. В машине валяется.

Киселёв посветил внутрь. На приборной панели лежал телефон с чёрным экраном.

— Машину и вещи осмотрим установленным порядком, — сказал Ладин. — Сейчас поедете с нами. Не задержан, но ваш автомобиль останется здесь под охраной до осмотра.

— А домой нельзя? Жена не знает, где я.

— Позвоните ей из отдела.

— Я ничего не делал.

— Я пока не спрашивал, что вы делали.

Шорохов посмотрел на свою голую левую руку. Потом на правую перчатку в машине. Движение было быстрым, почти незаметным, но Ладин его увидел.

В отделе пахло старой краской и пережаренной крупой из дежурной части. Было начало пятого. За окнами ночь уже серела, хотя солнцу предстояло подняться только через два часа. Шорохова посадили в маленьком кабинете для опросов, принесли воду. Ладин не стал начинать сразу. Пока Киселёв оформлял изъятие одежды и вызов защитника по желанию опрашиваемого, он просмотрел присланные с проходной кадры.

Камера снимала выезд под углом. Серый «Логан» появлялся между шлагбаумом и будкой в 22:14:07. Номер читался. За рулём различался Шорохов. Машина остановилась на несколько секунд, охранник наклонился к окну, затем поднял шлагбаум.

Фотография бумажного журнала показывала другую отметку: «Шорохов И. Н., л/а 438, 22:10». Цифры были написаны теми же чернилами, что записи выше и ниже. Четыре минуты могли означать спешащие часы, округление или привычку охранника записывать время на глаз. Могли не означать ничего. Но теперь к ним добавлялся вопрос: почему сам Шорохов не называл никакого времени.

Киселёв вошёл с двумя кружками чая.

— Защитника не просит. Говорит, свидетель. Жене позвонил, сказал, что задержался из-за аварии на кране.

— Так и сказал?

— Дословно. Я рядом стоял.

— Запиши.

— Думаете, готовил версию заранее?

— Думаю, жене он уже соврал. Для начала хватит.

Шорохов сидел, сцепив руки на столе. Левая кисть была грубая, в мелких царапинах. На безымянном пальце светлела полоска под обручальным кольцом. Самого кольца не было.

Ладин включил запись, назвал время и участников. Разъяснил права. Шорохов подтвердил, что готов отвечать без адвоката.

— Когда вы закончили работу?

— Без десяти десять.

— Двадцать один пятьдесят?

— Ну да. Около того.

Ладин положил ручку рядом с блокнотом.

— Выезжали через главную проходную?

— Через неё.

— Сразу после окончания работы?

— Сразу.

— Значит, примерно в двадцать один пятьдесят пять?

— Наверное.

— До машины от рабочего места сколько идти?

— Минуты три.

— Переодевались?

— Нет. Куртку кинул в машину ещё вечером.

— На проходной останавливались?

— Как всегда. Пропуск показал.

— Куда поехали?

— Домой.

— Но домой вы не приехали.

Шорохов поднял глаза.

— Передумал. С женой поругались утром. Не хотел опять начинать. Покатался, потом на переправу.

— Каким маршрутом?

— По набережной. Потом через рынок.

— Где останавливались?

— Нигде.

— Кофе откуда?

Шорохов потёр губы большим пальцем.

— На заправке взял.

— На какой?

— Возле старого элеватора.

— В котором часу?

— Не помню.

— Платили чем?

— Наличными.

Версия складывалась из мест без свидетелей, времени без часов и покупки без банковского следа. Такое случалось и с невиновными. Человек, которого разбудили вопросом об обычном вечере, редко жил по расписанию. Но Шорохова не будили. Он не спал и, судя по пустому стакану, готовился не спать дальше.

— Ваша смена по табелю заканчивалась в десять, — сказал Ладин. — Почему ушли раньше?

— Сделал всё.

— Кто разрешил?

— Никто. У нас не школа.

— Начальник смены видел, как вы уходили?

— Не знаю.

— Павел Ремезов видел?

Пальцы Шорохова разжались и снова сомкнулись.

— Может быть.

— Вы разговаривали с ним перед уходом?

— Нет.

— Совсем?

— Днём разговаривали. По работе.

— О чём?

— Он хотел ночью переставить контейнер. Я сказал, без наряда кран не подам.

— Спокойно сказали?

— Нормально.

— Свидетели слышали ссору.

— В порту все орут. Там кран, тягачи, железо. Если говорить нормально, никто не услышит.

— Что ответил Ремезов?

— Что найдёт другого.

— Нашёл?

— Откуда мне знать?

Ладин дал паузе постоять. За стеной кто-то уронил связку ключей. В коридоре зазвонил телефон, и дежурный ответил сиплым после ночи голосом.

— Возле тела Ремезова нашли рабочую перчатку, — сказал Ладин. — На манжете ваши инициалы.

Шорохов не спросил, какую именно. Посмотрел на левую руку.

— Потерял.

— Когда?

— Не знаю. Давно.

— Сегодня работали в паре?

— У меня несколько пар.

— В машине лежала правая.

— Значит, левую потерял.

— Давно — это вчера, неделю назад, месяц?

— Неделю. Может, две.

— Сообщали мастеру? Брали новую пару?

— У нас перчаток мешок. Никто их под расписку не выдаёт.

— Почему на правой ваши инициалы?

— Чтобы не таскали.

— А на новой левой не написали?

— Не успел.

— Она где?

— В шкафчике, наверное.

Ладин отметил слово «наверное». Шорохов следил за ручкой. Когда она двигалась, он говорил короче.

— Вы знали, что Ремезов погиб, до того как мы подъехали?

— Нет.

— Почему сразу спросили о нём?

— Ночью полиция перекрывает дорогу, спрашивает про порт. Я не дурак. И вы назвали фамилию.

— Фамилию я назвал после вашего вопроса.

Шорохов замер. Впервые за весь разговор на его лице появилось не раздражение, а испуг.

— Значит, догадался.

— Из всех людей в порту?

— Мы поругались. Вы же сами сказали, свидетели слышали.

— Это я сказал уже в отделе.

— Не ловите меня на словах.

— Я восстанавливаю порядок слов. Он часто надёжнее памяти.

Шорохов оттолкнул стакан с водой.

— Я Ремезова не убивал.

— Где вы были между десятью и одиннадцатью?

— Я ответил.

— Вы сказали, что в 21:55 выехали из порта, затем без остановок поехали по набережной, но купили кофе на заправке и не помните времени. Это не место на каждый момент. Это несколько точек.

— Я не обязан помнить каждую минуту.

— Не обязаны. Но вы помните неправильную.

Ладин развернул к нему распечатанный кадр. Внизу белели цифры: 22:14:07.

Шорохов посмотрел и отвёл глаза.

— Камера спешит.

— На четырнадцать минут?

— Откуда я знаю. Я на часы не смотрел.

— Только что вы трижды подтвердили двадцать один пятьдесят пять.

— Вы сами назвали.

— После ваших слов «без десяти закончил» и «сразу выехал». Журнал охраны показывает двадцать два десять. Камера — двадцать два четырнадцать. Ваше время — двадцать один пятьдесят пять. Какая отметка верная?

— Значит, задержался.

— Где?

— В раздевалке.

— Раньше вы сказали, что не переодевались.

— Курил.

— С кем?

— Один.

— Где?

— За мастерской.

— Там есть камера.

Шорохов быстро посмотрел на него. Камеры за мастерской не было; Ладин видел схему охраны. Но вопрос был задан не для суда, а ответ Шорохова всё равно нельзя было превращать в доказательство того, чего не существовало.

— Тогда посмотрите, — сказал крановщик.

Он откинулся на спинку стула и скрестил руки. Разговор закончился не потому, что иссякли вопросы, а потому, что следующие он встретил бы одной фразой. Ладин уточнил согласие на осмотр машины и телефона. Шорохов отказался, потребовал адвоката и спросил, задержан ли он.

— Пока нет, — сказал Ладин. — Но покинуть город до повторного вызова не советую.

— Совет — это запрет?

— Запрет оформляется иначе. Сейчас это совет человеку, который уже назвал нам три разных места для четырнадцати минут.

Когда Шорохова вывели, Киселёв положил на стол лист с отметками.

— Можно было задерживать. Перчатка, ссора, ложь, исчез.

— За ложь о четырнадцати минутах не задерживают.

— За убийство задерживают.

— Тогда сначала найди в этих минутах убийство.

— А если уйдёт?

— Куда? Машина у нас, паспорт в деле отдела кадров, жена дома. Поставь наружное наблюдение и готовь ходатайство на телефон. Законное, без срочности из воздуха.

Киселёв вздохнул, но спорить не стал.

Ладин посмотрел на часы. Пять сорок. В порту через двадцать минут должна была начаться разгрузка. Он выпил остывший чай и поднялся.

— Теперь обратно. Пока дневная смена не объяснила ночной, что ей полагается помнить.

У проходной уже толпились водители. Грузовики стояли цепочкой вдоль забора, выпуская белый пар. Охранник Николай Белов, записавший Шорохова, выглядел так, будто за два часа успел постареть. Он сидел в будке перед раскрытым журналом и тёр глаза.

Ладин попросил его не смотреть на записи.

— Когда выехал Шорохов?

— Около десяти.

— До десяти или после?

— После вроде.

— Почему записано 22:10?

— На часы глянул.

— Какие?

Белов указал на круглые часы над дверью. Они показывали шесть ноль семь. Телефон Ладина — шесть одиннадцать.

— Отстают сейчас на четыре минуты, — сказал Киселёв.

Охранник оживился.

— Вот и ответ. Камера верно показывает, а часы отстают.

— Давно отстают?

— Всегда, наверное.

— На прошлой неделе тоже на четыре?

— Не проверял.

Ладин попросил открыть архив камеры за начало смены. В 19:58:31 на записи через шлагбаум вошла Нина Савельева. В журнале рядом с её фамилией стояло 19:58. Если бы охранник всякий раз смотрел на настенные часы, запись должна была отставать. Но минуту он округлял то вниз, то вверх, а иногда заполнял несколько строк сразу.

— Шорохов останавливался дольше обычного? — спросил Ладин.

— Он пропуск искал.

— Разговаривали?

— Спросил, ночует ли здесь кто-нибудь из администрации.

— Зачем?

— Не сказал. Я пошутил, что порядочному человеку начальство ночью не нужно. Он не засмеялся.

— Во сколько подняли шлагбаум?

— На камере видно.

— Мне важно, что помните вы.

Белов задумался.

— Он ещё назад посмотрел. На диспетчерскую. Потом уехал.

Четыре минуты между журналом и камерой объяснялись плохо выставленными часами. Четырнадцать между камерой и словами Шорохова — нет. Но Ладина заинтересовало другое: крановщик не просто хотел оказаться за воротами раньше. Он хотел, чтобы никто не спрашивал, что удержало его внутри.

Диспетчерскую открыли при понятых. Комната была тесной, с двумя окнами на грузовую площадку. На стене висела схема причалов, у стола стоял шкаф с папками. Порядок здесь выглядел не рабочим, а наведённым: кружка вымыта и перевёрнута, бумаги сложены ровной стопкой, корзина пустая. Даже карандаши лежали в лотке остриём в одну сторону.

— Ремезов всегда так убирал? — спросил Ладин у Храмцова.

— Он аккуратный был.

— Был?

Начальник смены покраснел.

— Ну, вы поняли.

— Вчера перед уходом вы заходили сюда?

— Около половины десятого. Павел сидел за компьютером.

— Один?

— Да.

— О чём говорили?

— О контейнере. Нужно было убрать его с линии до прихода баржи.

— Номер?

Храмцов назвал длинную комбинацию. Киселёв записал. Ладин попросил повторить. Храмцов сбился на предпоследней цифре, достал телефон, нашёл фотографию накладной и прочитал точно: TCLU 481736-2.

— Почему вы помните почти весь номер?

— Потому что из-за него весь вечер стоял на ушах.

— Где контейнер сейчас?

— На третьей площадке.

— Кто его перемещал?

— Никто. Шорохов отказался, другой крановщик уже ушёл.

— Значит, он остался на прежнем месте?

— Должен.

— «Должен» проверим отдельно.

Телефон на столе был обычным кнопочным аппаратом внутренней связи, но станция сохраняла исходящие номера и длительность. Техник порта принёс распечатку. После десяти вечера Ремезов дважды набирал весовую: в 22:03 разговор длился одиннадцать секунд, в 22:19 — сорок семь. Между звонками стоял короткий вызов на мобильный номер, принадлежность которого ещё предстояло установить.

— Кто дежурил на весовой? — спросил Ладин.

— Нина Савельева до полуночи, — ответил Храмцов. — Начальник весовой Костин был где-то на территории.

— Где именно?

— Спросите у него.

— Спрошу. А вы знали о звонках?

— Нет.

— Ремезов мог звонить из-за контейнера?

— Мог.

— Что весовая решает при перестановке пустого места на площадке?

Храмцов помедлил.

— Если контейнер перед этим пришёл с машины, сверяют массу.

— Этот пришёл с машины?

— Днём.

— Взвешивали?

— Все взвешивают.

Ответ был гладкий и ничего не сообщал. Ладин попросил изъять распечатку и журнал внутренних звонков. Затем встал у стола Ремезова. На линолеуме рядом с ножкой темнел узкий след, будто здесь недавно провели мокрой тряпкой. Буров снял пробы. Сам стол был протёрт, но под нижней перекладиной что-то белело.

Киселёв лёг на бок и вытянул из-под стола клочок бумаги шириной с палец. Тонкая лента была голубоватой с одной стороны и белой с другой. На ней отпечатались фиолетовые цифры: «...1736-2». Перед ними сохранился край буквы, похожей на U.

Храмцов наклонился ближе.

— От кассы, что ли?

— Не трогайте, — сказал Буров.

Ладин сверил цифры с номером в блокноте. Окончание совпадало с контейнером, который будто бы никто не перемещал. Бумага пахла сыростью и слабой химической краской.

— Что печатают на такой ленте? — спросил он.

— У нас такого нет.

— Вы уверены?

— В диспетчерской нет.

— А на весовой?

Храмцов посмотрел на дверь, словно весовая могла услышать вопрос через площадку.

— Там талоны в двух экземплярах. Принтер старый, иногда копирка зажёвывается.

— Копирка — это отдельная лента?

— Не знаю, как у них устроено. Костин знает.

Ладин присел возле стола. Если обрывок принесли из весовой, он мог прилипнуть к папке, обуви или одежде Ремезова. Мог пролежать под столом месяц. Совпадение номера делало последнее менее удобным, но не невозможным. В честном расследовании неудобство версии ещё не было её опровержением.

Он представил короткую последовательность. В 22:03 Ремезов звонит на весовую. В 22:10 охранник пишет в журнале время выезда Шорохова, фактически шлагбаум поднимается в 22:14. В 22:19 Ремезов снова говорит с весовой почти минуту. Значит, по крайней мере через пять минут после отъезда крановщика диспетчер, вероятно, был жив и способен вести разговор. «Вероятно» требовалось подчеркнуть: трубку мог поднять другой человек, станция показывала вызов, но не голос.

— Получается, Шорохов уехал до второго звонка, — сказал Киселёв.

— Получается, его машина выехала до звонка.

— На кадре он за рулём.

— Да. Поэтому записываем именно это. Не больше.

— Но если Ремезов звонил в 22:19, окно для убийства сдвигается.

— Если звонил Ремезов.

Храмцов переводил взгляд с одного на другого.

— Так Шорохов ни при чём?

Ладин выпрямился.

— Вы торопитесь в обе стороны одинаково. Сначала он был очевидным убийцей, теперь уже ни при чём. Пока он человек, который соврал о времени ухода.

— Зачем ему врать на двадцать минут, если он уехал до звонка?

Это был правильный вопрос, и Ладин не собирался отвечать на него догадкой.

— Затем, что в эти минуты произошло нечто, о чём он не хочет говорить.

Они прошли к компьютеру Ремезова. Специалист сделал копию диска, не открывая файлы на месте. В щели между клавиатурой и монитором лежал маленький оторванный уголок фотографии. На нём виднелся кусок металлического ограждения и чья-то рука. Ладин велел упаковать и его. Телефона Ремезова в комнате не было. В карманах погибшего его тоже не нашли.

У выхода Киселёв остановился.

— Сергей Андреевич, если второй звонок настоящий, Шорохов мог вернуться другим входом. Забор местами дырявый.

— Мог.

— Мотив есть: ссора. Перчатка есть. Ложь есть.

— А время удара?

— Эксперт скажет.

— Вот когда скажет, поставим рядом. Сейчас не заполняй пустое место тем, что уже удобно лежит на столе.

На улице дождь кончился. Между облаками появилась светлая полоса, и мокрые контейнеры засверкали, будто их только что покрасили. У третьей площадки тягач ждал разрешения на проезд. За ним стоял нужный контейнер — серый, с белыми буквами TCLU 481736-2. Пломба на дверях выглядела целой.

Ладин обошёл его по кругу. Под колёсами погрузочной рамы земля была продавлена глубже, чем рядом. На боковой стенке свежая грязь закрывала старую меловую отметку. Он ничего не тронул, позвал Бурова и велел сверить положение с дневными фотографиями площадки, если такие найдутся.

Из здания весовой вышел худой мужчина в форменной куртке и без головного убора. Он шёл быстро, осторожно обходя лужи. Храмцов назвал его ещё до того, как тот приблизился:

— Лев Петрович Костин. Начальник весовой.

Костин поздоровался со всеми по имени, кроме Ладина. Ему представился сам.

— Слышал про Павла, — сказал он. — Ужасное дело. Чем помочь?

— Для начала журналом взвешиваний за вчера и объяснением двух звонков после десяти.

Костин чуть повернул голову к диспетчерской. Не удивился ни времени, ни количеству звонков.

— Журнал предоставлю. Звонил насчёт этого контейнера. У Павла была привычка по пять раз перепроверять одно и то же.

— Что именно он проверял?

— Массу.

— Почему дважды?

— Первый раз не договорили. Связь оборвалась.

— Первый разговор длился одиннадцать секунд. Второй — сорок семь.

— Значит, так и было.

— Вы отвечали?

— Во второй раз. В первый могла Нина.

— Где вы были в 22:03?

Костин посмотрел на часы.

— Не помню поминутно. На территории.

Ладин подумал о Шорохове, который слишком хорошо помнил неправильное время. Костин выбрал противоположную защиту: ни одной минуты без документа.

— Покажите весовую.

— Конечно. Только у нас сейчас машины пойдут. Нельзя надолго останавливать.

Ту же фразу Ладин за ночь слышал уже трижды от разных людей. Порт говорил ею, как один человек.

— Машины подождут, — сказал он. — А контейнер останется на месте до осмотра.

Костин хотел возразить, но передумал. Развернулся и пошёл к весовой. На его подошвах оставались сухие серые отпечатки, хотя вся площадка вокруг блестела от воды.

Ладин задержался на секунду возле контейнера и открыл блокнот. Провёл вертикальную черту. Слева записал время, которое можно было подтвердить: 22:03 — первый звонок; 22:14 — машина Шорохова у шлагбаума; 22:19 — второй звонок. Справа — слова людей: Шорохов уехал в 21:55; Белов записал 22:10; Костин не помнит, где был в 22:03, но помнит причину обоих разговоров.

Четыре минуты между часами и камерой оказались всего лишь неисправными часами. Настоящая разница была не в цифрах. Она лежала между тем, что человек делал, и тем, зачем ему понадобилось передвинуть это действие во времени.

Ладин закрыл блокнот.

— Проверим вес одной машины, — сказал он Киселёву.

Глава 3. Вес одной машины

Весовая стояла на бетонном островке между двумя полосами движения. С одной стороны грузовики въезжали на длинную металлическую платформу, с другой спускались к контейнерным площадкам. Внутри было тепло и тесно. Электрический обогреватель сушил воздух, на подоконнике теснились кружки, пачка соды, аптечка и горшок с пожелтевшим алоэ.

За столом сидела женщина лет пятидесяти в сером халате поверх свитера. При появлении Костина она поднялась так резко, что колёсики кресла ударились о стену.

— Нина Павловна Савельева, — представил её Костин. — Вчера дежурила до полуночи. Нина, следователь спрашивает про звонки Ремезова.

— Я отвечу сама, — сказала Савельева.

Голос у неё был спокойный, но руки она спрятала в карманы халата.

Ладин попросил Костина подождать снаружи. Тот недовольно посмотрел на очередь машин за окном.

— Я начальник участка. Здесь оборудование и документы.

— Поэтому документы будем принимать от вас отдельно. А сейчас мне нужна память Нины Павловны без подсказок.

Костин вышел, прикрыв дверь слишком бережно. Через стекло было видно, как он остановился у шлагбаума весовой и кому-то позвонил.

— Он всегда стоит у вас за спиной, когда вы отвечаете на вопросы? — спросил Ладин.

Савельева взглянула в окно.

— Он отвечает за участок.

— А вы отвечаете за показания весов. Давайте каждый сделает своё.

Киселёв включил запись. Савельева назвала фамилию, должность и время смены. Вчера она заступила в восемь вечера. До десяти поток был обычный: четыре машины на выезд, три на въезд, одна прошла пустой для проверки платформы.

— Контейнер TCLU 481736-2 помните? — спросил Ладин.

— Серый сорокафутовый.

— Их здесь много серых.

— Этот на тягаче Рябова был. У него левый габарит заклеен красной лентой. Я ещё сказала, что в следующий раз не пропущу.

— Во сколько он прошёл?

— Около без четверти десять.

— Один раз?

Савельева вынула руки из карманов и положила на стол. Ногти были коротко острижены, на указательном пальце синела полоса копировальной краски.

— По журналу посмотрите.

— Журнал посмотрим. Я спрашиваю, что видели вы.

— Машин много.

— Но эту вы узнали по фонарю.

— По габариту.

— Он прошёл один раз?

Она молчала достаточно долго, чтобы ответ стал понятен до слов.

— Два, — сказала наконец Савельева. — Первый раз с контейнером. Потом вернулся.

— С тем же контейнером?

— Да.

— В каком направлении?

— С площадки на весы. Потом обратно.

— Зачем?

— Костин велел перевесить.

— Лично?

— Позвонил по внутреннему.

— Во сколько был второй проход?

— После десяти. Без точного времени не скажу.

— До первого звонка Ремезова в 22:03 или после?

Савельева закрыла глаза, восстанавливая порядок.

— Первый раз Павел позвонил, когда машина уже стояла на платформе. Спросил массу и номер талона. Я начала отвечать, а Лев Петрович вошёл и взял трубку. Они недолго говорили.

— Значит, в 22:03 Костин был здесь?

— Да.

За стеклом Костин продолжал говорить по мобильному. Ладин отметил время и попросил Савельеву продолжить.

— После звонка он сказал провести машину как контрольную. Не сохранять второй талон.

— Это обычная процедура?

— Если весы проверяем, ставим тестовый груз. Но тогда не тот же контейнер гоняют. Есть бетонные блоки с известной массой.

— Вы возразили?

— Спросила. Он сказал, что программа после дождя дала сбой и нужно сравнить. Он начальник.

— Масса совпала?

— Нет.

— На сколько отличалась?

Савельева посмотрела на монитор, будто цифры могли сохраниться на чёрном экране.

— На тысячу восемьсот с чем-то килограммов. Первый вес больше.

— Контейнер открывали между проходами?

— Я отсюда площадку не вижу. Тягач ушёл за штабель.

— Кто был за рулём?

— Рябов.

— Кто ещё находился в весовой при втором проходе?

— Костин.

— Он видел показания?

— Стоял рядом.

— Что сказал?

— Что первый результат был ошибкой и сохранить нужно второй.

— Какой результат в электронном журнале?

— Второй.

— А первый?

— Не знаю.

— Вы только что сказали, что его не сохранили.

— Лев Петрович сам работал с программой. Я отошла.

— Куда?

— Чайник включить.

Обогреватель щёлкнул и замолчал. В наступившей тишине стало слышно, как снаружи урчит двигатель на платформе.

— Ремезов звонил второй раз в 22:19, — сказал Ладин. — Вы отвечали?

— Костин.

— Вы слышали разговор?

— Только его сторону. Он сказал: «Тебе показалось» и потом: «Утром сверим». Ещё сказал, чтобы Павел не лез не в своё дело.

— Дословно?

— Последнее — дословно.

— Почему вы не рассказали об этом сразу?

Савельева снова спрятала руки.

— Вы сразу не спрашивали.

— Ваш коллега погиб через несколько часов после странного взвешивания. Вы не связали?

— У нас всё странное, если со стороны смотреть. Машина вернулась, начальник исправил ошибку. Павел со всеми ругался. Я домой ушла.

Она говорила разумные слова, но всё время смотрела на Костина. Ладин не стал давить. Страх редко исчезал от вопроса, заданного громче.

— Где бумажные талоны?

Савельева показала на металлический ящик под столом. Киселёв опечатал замок, Буров начал фотографировать рабочее место. Электронный журнал специалист копировал на отдельный носитель. Пока шла выгрузка, на экране появилась строка с нужным контейнером: 21:47, полная масса 29 640 килограммов. Второй записи не было.

— Это первый или второй результат? — спросил Ладин.

Савельева наклонилась к монитору.

— По времени первый. По массе... второй был меньше. Значит, это первый.

— Но вы сказали, что сохранили второй.

— Я думала, сохранили второй.

— Разница почти две тонны. Второй должен быть около двадцати семи восьмисот?

— Примерно.

Ладин посмотрел на Киселёва. Электронный журнал не подтверждал рассказ целиком и не опровергал его. В нём осталась только одна запись, причём с временем до обоих звонков. Если Савельева говорила правду, кто-то удалил повторное взвешивание. Если лгала, она слишком подробно придумала разговор, который мог проверить Костин.

Костин вошёл без стука.

— Сколько ещё? Машины стоят уже двадцать минут.

— В 22:03 вчера вы были здесь? — спросил Ладин.

Костин перевёл взгляд на Савельеву.

— Наверное. Я же говорил: на территории.

— Нина Павловна говорит, вы взяли трубку у неё из рук.

— Возможно.

— А в 22:19?

— Тоже мог быть здесь.

— За девятнадцать минут память восстановилась.

— Вы показали направление. Я вспомнил.

— Зачем один контейнер взвешивали дважды?

Костин улыбнулся одними губами.

— Не взвешивали.

Савельева резко повернулась к нему.

— Лев Петрович...

— Нина, подумай. В журнале один проход. Рябов заехал в 21:47 и уехал на площадку. Всё.

— Он возвращался.

— Ты могла перепутать с соседним тягачом.

— У него габарит красной лентой заклеен.

— У половины водителей фонари скотчем держатся.

Ладин встал между ними так, чтобы Савельева больше не видела лица начальника прямо перед собой.

— Обсудите память сотрудников после опроса. Сейчас ответьте вы. Почему Ремезов дважды звонил насчёт массы?

— Первый раз спросил, прошёл ли контейнер. Второй — начал цепляться к цифрам из накладной. Я предложил сверить утром.

— Вы сказали ему не лезть не в своё дело?

— Мог сказать. Он диспетчер, а не ревизор.

— Где вы были после 22:19?

— Здесь, потом ходил к складу запчастей.

— Кто видел?

— Дежурные. Камеры.

— Назовите людей.

Костин назвал двух механиков. Киселёв записал.

— Почему программа хранит одну запись? — спросил Ладин.

— Потому что проход был один.

— Нина Павловна видела два.

— Нина Павловна закончила ночную смену, когда узнала об убийстве коллеги. Человек устал и волнуется.

Он говорил о ней в третьем лице, хотя стоял на расстоянии вытянутой руки. Савельева выпрямилась.

— Я не устала настолько, чтобы один и тот же тягач не узнать.

— Хорошо, — сказал Ладин. — Тогда найдём бумагу.

В металлическом ящике лежали пачки талонов, проложенные копировальной лентой. Каждый комплект состоял из верхнего белого листа, голубой копии и узкой полосы, которая протягивалась через старый ударный принтер. Нужный талон нашёлся по номеру контейнера. Время 21:47, масса 29 640. Второго комплекта не было.

Буров приложил обрывок из диспетчерской к рваному краю копировальной полосы. Куски не соединились: ширина совпадала, но обрыв относился к другому месту рулона. Фиолетовые цифры были отпечатаны тем же шрифтом.

— Такая лента есть ещё где-нибудь? — спросил Ладин.

— Только на старых весах, — ответила Савельева. — Новый принтер в дневную смену обычные листы печатает.

— Кто мог унести кусок в диспетчерскую?

— Кто угодно с талоном.

Костин прислонился к шкафу.

— Вот видите. Ремезов получил первый талон, обронил кусок. Никакой тайны.

— Почему получил?

— Диспетчеру передают сведения о прибывшем грузе.

— Значит, он видел 29 640.

— Разумеется.

— И через полчаса дважды звонил уточнить то, что уже видел.

Костин развёл руками.

— Павел любил создавать работу другим.

В нижнем ящике стола лежала толстая тетрадь в клетку. Савельева объяснила, что это черновик: когда машины идут одна за другой, она от руки записывает номер, время и массу, а потом сверяет с программой. Страницы за вчера были вырваны.

— Кто вырвал? — спросил Киселёв.

— Я, — сказала Савельева. — В конце смены черновики выбрасываем.

— Куда?

— В корзину.

Корзина была пуста, пакет заменён.

— Кто убирал?

— Уборщица приходит в пять.

— Сегодня приходила?

Савельева посмотрела на часы.

— Не видела.

Костин сказал, что уборщица могла зайти через заднюю дверь. Киселёв пошёл её искать. Буров тем временем вынул тетрадь из ящика, не перелистывая лишнего, и направил лампу сбоку на первый чистый лист. На бумаге проступили неглубокие бороздки от записей на вырванной странице.

— Карандаш есть? — спросил Костин. — Можно заштриховать.

Буров даже не поднял головы.

— Нельзя. Сначала косой свет, фотография, потом лаборатория.

Ладин видел отдельные вдавленные линии: цифры, часть номера, длинный штрих. Глаз пытался сложить их в знакомую комбинацию, но это было опасно. Если заранее ждать «22:06» и «27 812», рука сама дорисует нужное.

— Упаковывайте целиком, — сказал он.

Савельева шагнула ближе.

— Там будет второй.

Костин усмехнулся.

— Если ты его записала, мог быть и второй тягач. Черновик для того и черновик.

— Я написала номер контейнера два раза.

— Только что вы не помнили точное время.

— Время не помню. Машину помню.

Ладин видел, как её уверенность борется со страхом ошибиться. В суде эту борьбу разберут на части, особенно если экспертиза не даст чётких цифр. Поэтому слова нельзя было оставлять единственной опорой.

Киселёв вернулся с уборщицей Галиной, маленькой женщиной в оранжевом жилете. Она сказала, что в весовую сегодня не заходила: задняя дверь была заперта, а Костин велел сначала убрать административный корпус.

— Когда велел? — спросил Ладин.

— Утром позвонил. Без четверти пять.

— Обычно начинаете с весовой?

— Всегда. Здесь водители грязь тащат.

— Пакет в корзине свежий.

Галина пожала плечами.

— Не мой. Я чёрные ставлю, а этот синий.

Костин оттолкнулся от шкафа.

— У нас пакеты любые. Нина могла поменять.

— Я не меняла, — сказала Савельева.

— Тогда ночной водитель выбросил стакан и поставил новый. Это не режимный объект.

— Вы правы, — сказал Ладин. — Здесь слишком много людей может делать что угодно. Придётся установить каждого.

Он попросил изъять пакет и содержимое контейнера для мусора во дворе. Костин громко выдохнул, но промолчал.

Пока оформляли документы, Ладин вышел на воздух. Очередь грузовиков растянулась до ворот. Водители курили возле кабин, ругались и звонили диспетчерам. За контейнерами поднимался кран, медленно поворачивая стрелу. Порт действительно нельзя было остановить без последствий. Но «нельзя» здесь слишком часто означало «дорого», а не «невозможно».

Киселёв догнал его.

— Рябова нашли. В столовой сидит, ждёт разрешения выехать. Говорит, проходил один раз.

— Уже опросили?

— Только спросили, где он.

— Веди отдельно. И не говори, что сказала Савельева.

Водитель Рябов оказался молодым, с красными от холода ушами и чёрной смазкой под ногтями. Он уверенно назвал один проход в 21:47. После весов отвёз контейнер на третью площадку, отцепил раму и поставил тягач к мастерской.

— На весы не возвращались?

— Нет.

— Кто ещё мог вести ваш тягач?

— Никто. Ключи у меня.

— Где были с десяти до половины одиннадцатого?

— В столовой.

— Кто видел?

— Все.

— Назовите троих.

Рябов назвал повара и двух водителей. Потом добавил, что уходил курить.

— Ключи брали с собой?

— В куртке были.

— Куртка где?

— На стуле.

— Значит, взять мог кто угодно?

— Теоретически.

— Практически?

Рябов почесал шею.

— Машина потом стояла чуть иначе. Я решил, механик отогнал, чтобы проезд освободить.

— Раньше вы сказали, никто не водил.

— Я не видел, чтобы водили.

— Габарит у вас заклеен красной лентой?

— Да.

— Кто знал, где ключи?

— Все водители знают. Мы там их бросаем.

Киселёв записал фамилии. Рябов начал спрашивать, что случилось с контейнером, но Ладин не ответил.

— В 21:47 полная масса была 29 640. Что везли?

— Бытовую технику в коробах, по накладной.

— Кто принимал?

— Ремезов отметку поставил. Потом Костин.

— Контейнер вскрывали?

— Пломба уже портовая стояла. Я не трогал.

— Номер пломбы помните?

— Нет.

Ладин отпустил его после подписи под объяснением и запрета покидать территорию до повторного вызова. Алиби водителя требовало проверки, но его слова дали главное: тягач мог использовать другой человек, и сам Рябов заметил изменение положения.

В лабораторной машине Буров показал увеличенную фотографию продавленного листа. После цифрового усиления рельефа проступили фрагменты двух строк. В первой читалось окончание номера «736-2» и масса «29640». Во второй тот же фрагмент номера, время, похожее на «22:06», и масса, начинавшаяся с «278».

— Последние цифры пока не дам, — сказал Буров. — В кабинете восстановят лучше.

— Но две строки есть?

— Две записи с одинаковым окончанием номера. Это могу подтвердить.

Ладин позвал Савельеву и Костина по одному. Савельева посмотрела на снимок и сказала, что второе значение было 27 812. Костин заявил, что продавленные строки могли относиться к разным дням: в тетради копится рельеф от нескольких страниц.

— Страница за предыдущий день сохранилась, — заметил Буров. — Вырван только вчерашний лист. Рельеф наиболее чёткий от него.

— Наиболее чёткий — не значит единственный, — ответил Костин.

Он защищался грамотно. Не спорил с фотографией, а расширял число возможных объяснений.

В этот момент возле весовой остановился чёрный внедорожник. Из него вышел мужчина в длинном тёмном пальто, слишком дорогом для залитой грязью площадки. Водители у машин перестали ругаться. Один затушил сигарету, другой отвернулся к кабине.

— Гранов, — тихо сказал Киселёв.

Виктор Гранов шёл прямо к Ладину. Он не спросил дорогу и не стал искать начальника смены. Значит, кто-то успел сообщить ему не только об убийстве, но и о том, где именно работает следствие.

— Сергей Андреевич, — сказал Гранов и протянул руку. — Тяжёлая ночь. Виктор Михайлович.

Ладин руку пожал. Ладонь у предпринимателя была сухой и тёплой.

— Мы вас не вызывали.

— Мне принадлежит подрядная организация, которая ведёт здесь половину работ. Когда гибнет человек и останавливаются машины, я приезжаю без вызова.

— Откуда узнали, что машины остановлены у весовой?

— Позвонили люди.

— Кто?

Гранов посмотрел на очередь, словно ответ стоял среди кабин.

— Начальники участков обязаны сообщать о сбоях.

Костин вышел из весовой и направился к ним, но Гранов едва заметно поднял ладонь. Тот остановился.

— Чем могу помочь? — спросил предприниматель.

— Не мешать людям отвечать по отдельности.

— Разумно. Но порт должен работать. Утром приходит баржа с оборудованием для областной больницы.

— Ночью говорили о стройке.

На лице Гранова ничего не изменилось.

— У нас несколько грузов.

— Конечно.

— Вы подозреваете хищение?

Ладин не произносил этого слова ни при Храмцове, ни при Костине, ни при водителе.

— Почему именно хищение?

— Весовая, остановленный контейнер, полиция. Не нужно быть следователем.

— И погибший диспетчер.

— Это я и имел в виду.

— Нет. Вы разделили два события: смерть и груз. Почему?

Гранов впервые посмотрел на него внимательно, без деловой улыбки.

— Потому что смерть расследует полиция, а груз касается моего предприятия.

— Сегодня они касаются друг друга.

— На каком основании?

— На том, которое я не обязан обсуждать до оформления.

Гранов кивнул, будто получил приемлемый ответ.

— Я дам вам юриста и бухгалтерию. Всё, что законно запросите. Но прошу понимать: здесь работают восемьсот человек. Если вы остановите порт из-за ошибки весов, к вечеру полгорода будет знать, кто оставил их без смены.

— А если я не проверю ошибку, полгорода будет знать, что смерть Ремезова обошлась дешевле простоя.

Предприниматель помолчал.

— Павла я знал. Он был трудным человеком.

— Насколько трудным?

— Любил находить чужую слабость и превращать её в обязанность. Но убивать его мне незачем.

— Я не говорил, что подозреваю вас.

— Вы подозреваете всех, это ваша работа.

Гранов повернулся к Костину.

— Лев, предоставь документы. Машины пустите по второй платформе, если полиция разрешит.

— Вторая на ремонте, — сказал Костин.

— Значит, закончите ремонт.

Владелец снова обратился к Ладину:

— Я буду в административном корпусе.

Он ушёл так же спокойно, как пришёл. Костин смотрел ему вслед. На лице начальника весовой было выражение человека, которому при свидетелях напомнили о его месте.

— Вы ему звонили? — спросил Ладин.

— Я обязан сообщать, — ответил Костин.

— О чём сообщили?

— Что следствие изъяло журнал и остановило весовую.

— Про вторую запись?

— Тогда её ещё не нашли.

— Про два прохода со слов Савельевой?

Костин поправил воротник.

— Я сказал, что сотрудница путается.

— Теперь понятно, почему господин Гранов первым назвал ошибку весов.

— Он знает производство.

Ладин посмотрел на электронный журнал, распечатанный в одном экземпляре, на опечатанную тетрадь и на контейнер за рядом машин. Один и тот же груз существовал здесь в двух весах. В официальной системе — один проход и 29 640 килограммов. В памяти Савельевой и

продавленной бумаге — второй проход и почти на две тонны меньше. Разницу кто-то убрал из программы, но не смог вытащить из нижнего листа.

— Платформу пока не запускаем, — сказал он. — Сначала снимем копию системы целиком и проверим журнал правок.

— У нас нет журнала правок, — ответил Костин.

— У любой программы остаются следы.

— Эта старая. Ей пятнадцать лет.

— Тем лучше. Старые вещи хуже умеют притворяться новыми.

Ладин велел Киселёву проверить алиби Рябова и забрать записи камер на пути от площадки к весовой. Сам открыл блокнот и под тремя вчерашними отметками написал две массы: 29 640 и 27 812. Между ними — 1 828 килограммов.

Такой вес нельзя было унести в карманах. Его снимали погрузчиком, прятали в другой машине или переносили на бумаге, меняя название груза. Любой вариант требовал людей, времени и уверенности, что никто не станет задавать вопросы.

Ремезов задал.

Через полчаса его телефон перестал отвечать.

Глава 4. Человек, который кормит город

Кабинет Гранова находился на втором этаже административного корпуса. Окна выходили на порт, и отсюда краны казались частью одного механизма, которым можно управлять из-за письменного стола.

На стене висели фотографии: новая школьная крыша, детская хоккейная команда, открытие набережной. На каждой рядом с чиновниками стоял Гранов. Ни яхт, ни охотничьих трофеев — только доказательства пользы.

— Чай? — спросил он.

— Нет.

Ладин сел напротив. Киселёв устроился сбоку с диктофоном. Юрист Гранова, молодая женщина по фамилии Ратникова, раскрыла блокнот.

— Начнём с контейнера, — сказал Ладин. — Почему его взвешивали дважды?

— Вы уже решили, что дважды?

— Есть показание весовщицы и продавленная запись.

— Тогда спрашивайте того, кто взвешивал.

— Спрашиваю человека, который приехал раньше вызова и назвал случившееся ошибкой весов.

Гранов сцепил пальцы.

— В порту постоянно исправляют цифры. Водитель встал колесом мимо платформы, в кабину подсел пассажир, груз намок, программа зависла. Если каждую поправку называть преступлением, грузовики не выйдут за ворота.

— Здесь исчезли тысяча восемьсот двадцать восемь килограммов.

— Исчезла запись. Где доказательство, что исчез груз?

— Контейнер вскроем.

— Вскрывайте по закону. Там бытовая техника, пломба цела.

— Портовая пломба.

— И что?

— Её поставили уже здесь.

Юрист подняла глаза от блокнота. Гранов остался спокоен.

— Вы хотите услышать, что в порту переставляют палеты? Да. Иногда груз из одного контейнера переносится в другой до оформления окончательной ведомости. Иначе судно ждёт, клиент платит простой, рабочие сидят без смены.

— Это законно?

— Это оформляется позже.

— Я спросил иначе.

— А я отвечаю как человек, который содержит предприятие, а не сдаёт экзамен.

Он подошёл к окну.

— Видите мастерские? Там сто сорок семь человек. На кранах — ещё восемьдесят. Водители, грузчики, диспетчеры, охрана. Зарплата приходит без задержек, даже когда область месяцами не платит по контракту. Я отремонтировал школе крышу после урагана, потому что бюджет обещал сделать это весной. Котельная держится на моём угле. Вы можете назвать это влиянием. Люди называют теплом.

— Ремезов тоже получал зарплату вовремя?

Гранов повернулся.

— Получал.

— И узнал, что документы оформляются позже?

— Это знали все, кому положено.

— Ему было положено?

— Диспетчер видит движение груза.

— Поэтому он звонил на весовую?

— Возможно.

— Он требовал у вас деньги?

Ратникова положила ладонь на блокнот.

— Мой доверитель вправе не отвечать на вопрос, который может быть истолкован против него.

— Вправе, — согласился Ладин.

Гранов вернулся к столу.

— Павел намекал, что накопил бумаги. Хотел повышения и отдельную премию. Я отказал.

— Когда?

— Вчера днём.

— Где?

— Здесь.

— Кто слышал?

— Никто.

— Что он обещал сделать?

— Пожаловаться в транспортную прокуратуру.

— Вы испугались?

— Нет. Проверки у нас каждый год.

— Тогда зачем в десять вечера Костин правил запись?

— Вы утверждаете, что правил. Я этого не видел.

— Но Костин сообщил вам о словах Савельевой до приезда.

— Начальник обязан сообщать о проблеме.

— Он сообщил о смерти работника или о двух взвешиваниях?

Гранов на секунду задержал взгляд на юристе.

— О том и другом.

— Что вы велели?

— Предоставить документы и не спорить со следствием.

— Савельева говорит, Костин при ней удалил второй результат.

— Тогда разбирайтесь с Костиным.

Ответ прозвучал слишком быстро. Ладин отметил про себя: Гранов защищал предприятие, но не человека.

— Кто распорядился переставить палеты из контейнера?

— Логистика.

— Фамилия.

— Леонид Кравец согласовывал ночные работы.

— Где он был вчера?

— Насколько знаю, дома. Он работает удалённо после операции.

— А Костин?

— На весовой.

— В 22:30?

— Спросите у него.

Ладин закрыл блокнот.

— Вы признаёте неоформленное перемещение груза, но отрицаете двойной учёт.

— Я признаю производственную необходимость, которую бухгалтерия затем приводит в порядок.

— Две массы одного контейнера — это не порядок.

— Это работа. У вас тоже черновик отличается от итогового постановления.

— Если из моего постановления исчезнут две тонны, меня спросят.

Гранов усмехнулся, но глаза остались холодными.

— Вот вы и спрашиваете.

В коридоре Киселёв выключил запись.

— Признал перестановки.

— Назвал их другим словом.

— Для обыска хватит?

— Для запроса документов хватало и раньше. Для обыска нужны конкретные места и вещи. Не будем выносить весь порт в коробках, чтобы потом искать, что хотели найти.

— Он кормит полгорода и сам в это верит.

— Возможно, кормит. Это не даёт права выбирать, какие строки существуют.

Костин ждал у лестницы. Без куртки он казался ещё тоньше.

— Виктор Михайлович всё объяснил? — спросил он.

— Проверим, насколько одинаково вы объясняете, — сказал Ладин. — Кто распорядился переставить груз?

— Кравец.

— Когда?

— В 21:32 прислал сообщение.

— Точное время помните?

— Оно в телефоне.

— Где должны были снять палеты?

— На третьей площадке.

— Сколько?

— Три палеты, тысяча восемьсот двадцать восемь килограммов.

Киселёв перестал писать и посмотрел на Ладина. Гранову точную разницу не называли. Савельева говорила приблизительно. Цифра могла быть в документах, но Костин выдал её без расчёта.

— Куда перенесли?

— В контейнер на соседней линии.

— Почему второй проход удалили?

— Не удаляли. Контрольное взвешивание не сохраняется.

— Гранов сказал, цифры исправляют из-за ошибок.

— Это и была ошибка.

— Он сказал, перестановки оформляют позже.

— Всё верно.

— Он сказал, распоряжалась логистика. Вы называете Кравца. Он не сказал ни число палет, ни массу. Вы назвали. Заранее договорились, что считать правдой?

Костин побледнел.

— Я отвечаю точно, и это тоже подозрительно?

— Точность полезна, когда возникает из памяти. Когда два человека повторяют один порядок слов, это называется подготовкой.

— Мы работаем на одном предприятии.

— Ремезов тоже работал.

Костин посмотрел вниз, на ступени.

— Он хотел денег. Не делайте из него героя.

— Мёртвому не нужно быть героем, чтобы его убийство расследовали.

Телефон Ладина завибрировал. Звонила Марина.

Он отошёл к окну.

— Да.

— Можешь приехать в морг? — спросила она. — Эксперт начал исследование. Есть то, что лучше увидеть.

— По телефону?

— Не хочу объяснять без снимков. И ещё: ударили его не у причала.

— Перенос мы предполагали.

— Теперь есть медицинские признаки. Приезжай.

Она отключилась прежде, чем он успел задать следующий вопрос. Ладин вернулся к Киселёву.

— Возьми у Костина телефон установленным порядком, скопируй переписку с Кравцом и Грановым. Потом проверь три палеты: куда ушли, кто грузил, когда оформили.

— А вы?

— К эксперту.

— Один?

— Справлюсь.

Морг находился при районной больнице. В коридоре пахло хлоркой и мокрой одеждой. Марина ждала у двери в синем халате, волосы собраны под шапочкой. Она выглядела уставшей, но говорила деловито.

— Я присутствую как врач, который осматривал тело на месте. Исследование ведёт Сорокин.

— Ты после смены не домой поехала?

— Это сейчас вопрос отца или следователя?

Готовый ответ — «оба» — уже был у него на языке.

— Отца. Но отвечать не обязана.

Марина немного смягчилась.

— Посплю после.

Эксперт Сорокин показал снимки затылочной раны и спины погибшего. Он говорил сухо, не торопясь с окончательными выводами.

— Основная травма от тяжёлого предмета с узким ребром. Один удар. После него Ремезов быстро потерял способность двигаться. Точное время смерти дам позже.

— Почему не причал? — спросил Ладин.

Сорокин вывел на экран фотографию одежды.

— На месте тело лежало спиной на мокром бетоне. Но нижняя ткань куртки промокла поверх сухих загрязнений. Сначала он лежал в другом месте, где на спину попала мелкая металлическая пыль и смазка. Потом одежда намокла.

— В ангаре такая пыль есть.

— В порту она много где есть. Это не адрес.

Марина показала следующий снимок.

— На правом плече и бедре параллельные полосы давления. Они не совпадают с рельефом причала. Похожи на решётчатую платформу или тележку.

— Ту, которую вымыли?

— Сравните размеры.

Сорокин добавил:

— Есть ещё ссадина на запястье, полученная, вероятно, при перемещении. Крови на месте у воды должно быть больше, если удар нанесли там. По вашим фотографиям её почти нет.

— Дождь мог смыть.

— Мог. Но под воротником и в складках одежды кровь сохранилась. На бетоне под головой — в основном натёк после укладки тела, не след удара.

Ладин смотрел на снимок. У причала убийца оставил тело, перчатку и разбитый фонарь — готовую сцену с фамилией подозреваемого. Настоящее нападение произошло там, где были металлическая пыль, смазка и возможность быстро взять тележку.

— Ангар нужно закрыть целиком, — сказал он.

— Его уже должны были осматривать, — заметила Марина.

— Осматривали путь и тележку. Не помещение как первичное место.

— Потому что начальство не хотело останавливать ремонт?

Вопрос прозвучал без упрёка, и от этого был тяжелее.

— Потому что я согласился оставить работающие участки.

— Теперь не согласишься?

— Теперь есть основание.

Марина сняла перчатки.

— Основание было и ночью. Тело перенесли.

— Предположение было.

— Иногда ты называешь предположением всё, за что не хочешь отвечать сразу.

Сорокин отошёл к столу, делая вид, что занят документами. Ладин почувствовал привычное желание перечислить разницу между наблюдением врача и процессуальным основанием. Вместо этого спросил:

— Что я пропустил ещё?

Марина посмотрела на него с недоверием.

— На левом рукаве есть светлая дуга. Возможно, от верёвки или стропы. И запах солярки сильнее на спине, чем спереди. Если найдёте место, где он лежал, берите пробы до мойки.

— Спасибо.

— Это работа.

— Всё равно спасибо.

На улице Ладин позвонил Киселёву.

— Останавливай ремонтный ангар. Полностью. Никого не впускать, технику не двигать, воду перекрыть, уборку не начинать.

— Зуев уже спрашивал, когда откроем проезд.

— Передай, что место удара не причал. Есть медицинское подтверждение переноса.

— Гранов будет против.

— Он уже объяснил, сколько людей кормит. Теперь пусть объяснит, кто из них мыл пол после смерти диспетчера.

Пока Ладин ехал обратно, порт оживал. Автобусы высаживали новую смену, над крышами шёл пар, у магазинов поднимали жалюзи. В этих домах действительно жили люди, зависевшие от Гранова. Их зарплаты были настоящими. Школьная крыша не становилась выдумкой оттого, что рядом существовала двойная бухгалтерия.

Но и польза не превращала нарушение в невинность. Самая удобная власть строилась именно так: брала на себя то, что должны были делать другие, а потом предъявляла каждый добрый поступок как право не отвечать за плохой.

У ворот ангара его встретил Храмцов.

— Сергей Андреевич, там смена! Если сейчас опечатаете, встанет кран.

— Пусть встанет.

— Гранов сказал, перестановку согласовали.

— Я не про контейнер.

Ладин показал постановление на дополнительный осмотр. За спиной Храмцова рабочие молча ждали. Кто-то держал ключ, кто-то каску, кто-то недоеденный бутерброд.

— Здесь ударили Ремезова? — тихо спросил один из них.

— Это проверяем.

— Тогда ночью пол мыли, — сказал рабочий. — Костин велел. Сказал, масло разлили.

Храмцов резко обернулся.

— Кто мыл?

— Семёнов и я. До того как сторож крик поднял.

— Чем?

— Водой со средством. Возле ремонтной ямы.

Ладин посмотрел в тёмный проём ангара. Свет падал на мокрый бетон, верстаки и сцепные ключи, развешанные по стене. Между двумя крюками оставалось пустое место.

— Никому не входить, — сказал он. — Бурова сюда. И список всех, кто был в ангаре после девяти.

За его спиной остановился первый грузовик. Потом второй. Гул двигателей стихал один за другим.

Глава 5. Сухой канат

К рассвету дождь стал мельче, но не прекратился. Он висел в свете прожекторов и собирался на касках людей у входа в ремонтный ангар. Ворота были закрыты наполовину. Под нижней кромкой тянулась вода, мутная от ржавчины и старой смазки.

Ладин расписался в листе допуска. Ночью он уже входил сюда, видел вымытую тележку и пустое место на стене с инструментами, но тогда ангар оставался одним из десятка помещений порта. Теперь у него была причина смотреть на каждую вещь как на часть дороги.

Сорокин приехал из морга с плоским чемоданом. Марина стояла у ремонтной ямы в резиновых сапогах и белой каске медпункта. Она приехала раньше эксперта, чтобы показать место, откуда ночью откатили тележку. Ладин не просил. Позвонила сама.

— Здесь, — сказала она. — Переднее колесо было почти у края. Я запомнила, потому что санитар задел ручку носилок.

На бетоне мелом обвели прямоугольник. Внутри пол был светлее, чем вокруг. Не чистым — чистого бетона в ангаре не осталось, — а вытертым до серого цвета. По краям лежали чёрные хлопья засохшей грязи.

— Когда мы приехали, тележка уже стояла у дальней стены, — сказал Ладин.

— Её откатили между моим первым осмотром и вашим оцеплением. Я видела движение, но решила, что рабочие освобождают проход.

Он хотел спросить, почему она не остановила их. Вопрос поднялся привычным упрёком. Ладин посмотрел на ширину ангара, на людей, которые тогда не знали, где произошло преступление, и сказал другое:

— Кто толкал?

— Не разглядела. Мужчина в серой робе. Шёл спиной. Правую руку держал выше левой, потому что у тележки перекошена ручка.

Киселёв записал.

Сорокин присел над светлым прямоугольником. Соскоблил в два пакета грязь с вымытого участка и с нетронутого пола, потом провёл фонарём вдоль края ямы.

— Металлической пыли здесь хватит на весь район. Нам нужна не любая.

— На одежде Ремезова какая?

— Мелкая железная стружка, частицы старой краски и смазка с графитом. Такой состав бывает там, где разбирают сцепные устройства, лебёдки, тележки. На причале больше песка и речной грязи. На его спине песка почти нет.

Ладин подошёл к стене. Крючья были подписаны белой краской: ключи, молотки, съёмники. Между двумя сцепными ключами оставался пустой крюк. Светлый след повторял вытянутую форму инструмента.

— Учёт есть? — спросил он мастера ангара Лобова.

— Тяжёлый инструмент по журналу. Мелочь берут так.

— Сцепной ключ — мелочь?

— Для нас — да. Он всегда на стене. Был.

— Когда видели последний раз?

— Вчера после обеда точно висел.

— Кто мог взять?

— Любой из ремонтников. Водители заходят. Весовая иногда просит помочь. Начальство тоже ходит.

— Костин вчера был?

Лобов пожал плечами с задержкой.

— Его видели ребята после девяти. Искал переносную лампу.

Киселёв записал фамилии слесарей и ушёл их искать.

Сорокин двигался вдоль пола на коленях. У ямы он остановился и поставил номерок возле тёмной точки.

— Не наступать. Похоже на кровь, но после мойки осталось меньше спичечной головки.

— Здесь руки режут каждый день, — выдохнул Лобов.

— Поэтому сначала проверим, потом испугаемся.

Пол мыли от стены к воротам. Широкая щётка гнала грязь по уклону, однако у основания старого пресса остался сухой треугольник. В нём лежали серебристые крупинки и короткий волосок синтетической ткани. Эксперт перенёс находки на липкую плёнку.

Снаружи помощник электрика установил прожектор. Они ждали ровного дождя почти час. Ладин отказался от пожарного рукава: струя дала бы другой след и позволила бы потом назвать опыт цирком. Он хотел понять простое — как на мокром канате могла остаться сухая полоса.

Канат у причала уже сняли и натянули между стойками в закрытой части двора. Рядом положили такой же со склада. Его оставили под дождём на двадцать минут. Волокна потемнели равномерно. Затем Лобов положил поперёк сложенную грузовую стропу, прижал металлической скобой и подождал ещё десять минут. Когда стропу сняли, под ней осталась светлая полоса. Края быстро начали темнеть, но середина держалась.

Во втором опыте канат накрыли синим брезентом. Вода собралась в складке и стекла по обе стороны. Под туго натянутой кромкой появилась полоса почти той же ширины, что на фотографии.

— Значит, тело завернули, — сказал вернувшийся Киселёв.

— Значит, канат чем-то закрыли после начала дождя, — поправил Ладин. — Тело, груз, брезент без тела. Пока только это.

— Если несли на руках, зачем канат? — спросила Марина.

— Могли опереть свёрток, пока открывали ограждение. Или перекинуть стропу, чтобы удержать тележку.

— Там нет порога.

— Проверим весь путь.

От ангара к причалу вели три дороги. Первая проходила мимо столовой и камеры на административном корпусе. Вторая пересекала открытую площадку, где охранник делал обход. Третья, самая длинная, шла за складом цепей и выходила к воде через хозяйственный проезд. Камера там месяц не работала: в объектив попала вода, заявку на замену подали, но не оплатили.

Ладин велел принести тележку. Она была низкой, с решётчатой платформой и четырьмя колёсами. Правая ручка стояла выше: крепление сварили криво. На мокром бетоне тележка шла почти бесшумно, но на стыках плит передние колёса били дважды — коротко, с промежутком.

Сторож Мячин слушал за углом склада.

— Похоже? — спросил Ладин.

— В ту ночь я слышал не это.

— Что именно?

— Сначала машину. Двигатель тихо, будто на холостых. Потом два удара. А может, удары раньше. Дождь по крыше шумел.

Они повторили путь. Киселёв толкал тележку, Лобов вёл белый фургон весовой без фар. На узком повороте фургон остановился. Двигатель заглушили. Колёса дважды ударили о стык.

Мячин поднял руку.

— Вот так ближе. Только железо ещё звякнуло.

На пустой тележке ничего не звенело. Лобов положил цепь — получилось слишком громко. Сцепную скобу обернули брезентом — звук стал коротким и глухим.

— Вы можете подобрать десяток предметов под память человека, — сказала Марина.

— Можем, — согласился Ладин. — Поэтому звук ничего не доказывает. Он показывает, что версия возможна.

Хозяйственный проезд был покрыт песком, угольной крошкой и металлической пылью. Дождь смыл верхний слой к ливневой решётке. Между прутьями застрял комок чёрной грязи. Сорокин снял решётку и собрал осадок. В нём блеснули синие волокна.

— На куртке Ремезова ткань синяя, — сказал Киселёв.

— В порту синих курток больше, чем людей, — ответил эксперт. — Сравним толщину, скрутку и краситель. Пока они просто синие.

Тележку поставили под навес. Её вымыли снаружи, включая нижнюю часть платформы, но ступицы трогали кое-как. Сорокин снял колёса. В оси переднего правого обнаружились две длинные нити — синяя и серая. Синяя была затянута внутрь вместе с волосом и кусочком засохшей грязи.

— На спине у него разрыв у нижнего шва, сантиметра три, — сказала Марина.

— Почему ткань попала в ось, если он лежал на платформе? — спросил Ладин.

Сорокин показал зазор между решёткой и колесом.

— Край одежды мог свисать. Или тележку накрывали тем же материалом. Сравнение даст ответ, если волокно сохранилось.

Ладин попросил принести брезенты. В кладовой числилось семь. На полке лежали шесть: два зелёных, три серых и один синий с белой цифрой четыре.

— Где седьмой? — спросил он кладовщицу.

— В ремонте или на площадке.

— Какой цвет?

Она раскрыла журнал.

— Синий, номер семь. Выдан вчера в восемнадцать сорок мастеру Лобову.

Лобов вытер ладонь о робу.

— Я брал накрыть редуктор. Его привезли без ящика.

На поддоне у стены стоял редуктор, укрытый серым брезентом.

— Почему серый?

— Не знаю. Какой лежал, тем и накрыли.

— Кто менял?

— Смена. Я ушёл около девяти.

Седьмой брезент отличался новой белой полосой по краю — так было записано в журнале ремонта. Рабочие разошлись по площадкам. Через сорок минут сообщили: его нет нигде.

Киселёв вернулся со слесарем Васиным. Тот крутил сигарету, не зажигая.

— Костина видел в девять двадцать, — сказал он. — Может, в девять двадцать пять. Я из душевой шёл.

— Где он был?

— У боковых ворот ангара. Спросил лампу. Я сказал, в кладовке. Он сам взял.

— С чем пришёл?

— Ни с чем.

Другой слесарь вспомнил человека у белого фургона. Лица не разглядел. Человек открыл задние двери, но ничего не выгружал.

— Фургон весовой? — спросил Ладин.

— Их номер на борту. Им датчики возят, бумагу, всякое.

— Кто имеет ключи?

— Костин. Водитель Рябов иногда. Запасной у охраны.

— Костин у ангара, его фургон у ангара, тележка из ангара, — тихо сказал Киселёв.

— И никто не видел, как он толкал тележку или встречался с Ремезовым.

— Вы его защищаете?

— Я защищаю дело от нас. Удобная цепочка ломается там, где вместо звена стоит наше желание.

Киселёв покраснел.

— Понял.

— Запомните.

Они осмотрели фургон. Внутри лежали катушка кабеля, ящик с датчиками, рулон бумаги и складная лестница. Пол был влажным, будто его недавно протирали. В углу остался сухой квадрат от ящика. Лаборант снял следы пальцев и мазки из швов.

Под задним сиденьем нашли обрывок полиэтилена и крупицу синей краски. Сорокин упаковал их без комментариев. В кабине лежал путевой лист. Последняя строка относилась к утренней поездке; ночного рейса не было. Одометр после возвращения никто не записывал.

— Изымайте, — сказал Ладин. — Запросите топливную ведомость, въезды за месяц и ремонты камеры. Отдельно — кто не оплатил замену.

— Думаете, камеру вывели нарочно?

— Думаю, сломанная камера удобна многим. Сначала узнаем, когда и как сломалась.

Марина ждала у ворот. Дождь ослаб, на каске остались редкие капли.

— Я могу ехать?

— Да. Спасибо, что показала место тележки.

— Обычно ты добавляешь, что надо было сказать раньше.

Ладин посмотрел в ангар. Лаборанты снимали образцы, Лобов отвечал на повторные вопросы. Вчера он сказал бы именно это и считал бы, что помогает дочери стать внимательнее.

— Раньше я не спросил, — произнёс он. — Значит, поздно спросил я.

Марина поправила ремешок каски.

— Неожиданно.

— Мне тоже.

Из ангара позвал Сорокин.

Под нижней поперечиной тележки эксперт нашёл узкую складку синего материала. Она забилась между сварным швом и пластиной и не попала под воду при мойке. Это была не нитка, а лоскут шириной с ноготь. Один край оборван, второй имел ровную белую полосу.

Лобов побледнел.

— Седьмой брезент.

— Уверены? — спросил Ладин.

— Его отдавали в ремонт из-за края. Нашили белую тесьму. Других таких нет.

Сорокин приложил линейку и сфотографировал находку.

— Есть связь тележки с пропавшим брезентом. Не с телом. Для этого ждём сравнения нити с одеждой и следов на платформе.

Ладин вернулся к канату. Полоса от опыта уже почти потемнела. Ночная сохранилась дольше, потому что накрывающий предмет убрали поздно — ближе к тому времени, когда тело нашли.

Он представил путь без лица, которое его проделало. Удар в ангаре. Тело на решётчатой тележке. Синий брезент со светлым краем. Хозяйственный проезд, два удара колёс о стык. У причала тележку остановили. Брезент или стропу положили на канат. Потом тело перенесли к воде, фонарь разбили, перчатку оставили рядом. Тележку вернули и вымыли. Брезент унесли.

Последовательность получалась. Человека в ней всё ещё не было.

— Проверьте всех, кто мог открыть боковые ворота, — сказал он Киселёву. — Не только Костина. Карты, ключи, журнал охраны. Кто знал, что камера не работает. Кто успевал вернуть тележку до оцепления.

— А брезент?

— Ливнёвка, мусорные контейнеры, котельная, берег вниз по течению. Если сожгли, ищем тесьму. Если бросили в воду, мокрую ткань далеко не унесло бы.

Телефон Киселёва зазвонил. Он выслушал, переспросил и прикрыл микрофон ладонью.

— Лаборатория по перчатке. Есть кровь Ремезова. И пот Шорохова внутри.

Ладин посмотрел на мокрый канат, на синюю нитку в пакете, на пустой крюк для сцепного ключа.

Дорога от ангара к воде стала видна. Но у её конца по-прежнему лежала перчатка человека, который лгал им с первой минуты.

— Едем к Шорохову, — сказал он. — Теперь пусть объяснит не четыре минуты. Пусть объяснит свою руку.

Глава 6. Перчатка

Шорохова привезли в отдел не как задержанного. Он сел у края стула, положил ладони на колени и долго смотрел на фотографию перчатки, будто надеялся заметить ошибку в собственных инициалах.

Ладин не торопил. За окном серело утро. В коридоре хлопали двери, пахло дешёвым кофе и мокрой одеждой. Киселёв поставил на стол диктофон, назвал время и перечислил присутствующих.

— Это ваша перчатка? — спросил Ладин.

— Похожа.

— В прошлый раз вы сказали увереннее.

— Тогда крови не было видно.

— На фотографии она тоже не видна. Лаборатория нашла кровь Павла Ремезова. Внутри — ваш пот.

Шорохов поднял глаза.

— Я его не трогал.

— Перчатка трогала.

— Я потерял её.

— Неделю или две назад. Так вы говорили.

— Так и было.

Ладин положил рядом снимок со смены, сделанный портовым фотографом для отчёта о разгрузке. На дальнем плане Шорохов стоял у крана в оранжевом жилете. Левая рука была поднята к рации. На ней виднелась тёмная перчатка со светлой полосой у запястья.

— Снимок сделан вчера в шестнадцать двенадцать.

Шорохов наклонился, почти коснулся бумаги носом.

— Не моя.

— На руке ваши инициалы?

— Там ничего не разобрать.

— Полоса совпадает с ремонтным швом на найденной перчатке.

— У половины порта такие.

— С инициалами «И. Ш.»?

— Я мог взять чужую из шкафа.

— А свою куда дели?

— Потерял.

Ответ замкнулся сам на себе. Ладин отодвинул фотографию.

— Вчера после смены вы заходили в раздевалку?

— Заходил.

— В перчатках?

— Не помню.

— Снимали рабочую одежду?

— Куртку сменил. Ботинки оставил.

— Где правая перчатка от этой пары?

— Дома, наверное.

— «Наверное» — это место?

Шорохов сжал пальцы.

— В прихожей на полке. Или в машине.

— Мы проверим оба места.

— Проверяйте.

В этом разрешении было слишком много облегчения. Ладин отметил его и сменил тему.

— Вы знали, что в ангаре пропал сцепной ключ?

— Нет.

— Видели вчера синий брезент?

— Их там десяток.

— Кто мог взять вашу перчатку?

— Кто угодно. В раздевалке шкафы не запираются.

— Ваш запирается.

— Замок заедает. Я часто не закрываю.

— Вы сказали, потеряли перчатку не в раздевалке.

— Я не знаю, где потерял.

— Тогда почему уверены, что потеряли, а не оставили?

Шорохов провёл ладонью по лицу.

— Потому что искал. Одной работать неудобно.

— Кому сказали?

— Никому.

— Новую пару получили?

— Нет.

— Значит, неделю или две работали то в чужой перчатке, то без левой, но никто этого не заметил?

— Я не считал дни.

Ладин дал ему воды. Шорохов выпил половину стакана и поставил так осторожно, что вода не качнулась.

— Илья Петрович, кровь погибшего на вашей вещи — серьёзное основание считать, что вы были рядом после удара. Ложное время ухода усиливает подозрение. Я хочу услышать настоящее объяснение до того, как следствие начнёт складывать его без вас.

— Настоящее: я уехал.

— Куда?

— Катался.

— По каким улицам?

— Не помню.

— Телефон выключили зачем?

— Разрядился.

— Экспертиза покажет, выключился он сам или кнопкой.

Шорохов молчал.

— Вы встречались с человеком, которому отдавали деньги? — спросил Ладин.

Лицо Шорохова изменилось едва заметно: не страх, а усталость, будто вопрос пришёл туда, куда он давно ждал.

— Каким человеком?

— Пока это ваш шанс назвать его самому.

— Я никому ничего не отдавал.

— Тогда закончим и поедем к вам.

Осмотр машины ничего не дал. Правая перчатка там не лежала. В багажнике нашли трос, домкрат, пустую канистру и старую куртку без пятен. Криминалист упаковал песок с ковриков и мазки с руля. Шорохов следил за его руками и ни разу не спросил о результате.

Дом крановщика стоял в пяти кварталах от порта, за рынком. Двухэтажное здание построили ещё для речников; во дворе сушились сети, хотя рыбалка здесь давно стала частным делом. Дверь открыла жена Шорохова, Лариса. Она была в медицинской форме и, судя по запаху табака на лестнице, только вернулась с ночной смены.

— Илья что-то сделал? — спросила она, увидев понятых.

— Проводим обыск по делу о смерти Ремезова, — сказал Ладин и протянул постановление.

Она прочитала первую страницу, дальше перестала.

— Он его терпеть не мог, но не убивал.

Шорохов стоял за спиной Киселёва.

— Лара, молчи.

— Ты мне не командуй. Ночью исчез, телефон выключил, утром полиция. Мне что думать?

— Что я живой.

— Пока да.

Ладин попросил показать прихожую. На верхней полке лежала правая рабочая перчатка. Чёрная, с серой ладонью и светлым швом у запястья. На внутренней стороне маркером было написано «И. Ш.».

Криминалист разложил чистую бумагу и сфотографировал находку.

— Пара? — спросил Ладин.

Шорохов кивнул.

— Почему правая дома, если левую вы потеряли неделю назад?

— После смены принёс.

— Вчера?

— Да.

— А на фотографии днём обе были на вас.

Шорохов закрыл глаза. Лариса посмотрела сначала на него, потом на перчатку.

— Ты же говорил, комплект порвал ещё в прошлую смену.

— Не лезь.

— Ты попросил новые купить. Я заказала. Вчера утром обе старые лежали здесь.

В комнате стало тихо. Даже криминалист перестал шуршать пакетами.

— Утром обе? — переспросил Ладин.

— На тумбе. Я сама убрала в пакет, чтобы не пахли мазутом. Илья забрал их перед работой.

— Значит, левую он потерял вчера.

— Выходит, так.

Шорохов сел на банкетку.

— Я перепутал дни.

— Вы не перепутали, — сказал Ладин. — Вы придумали срок, который отодвигал перчатку от убийства.

Обыск продолжили. В шкафу висели рабочие куртки. На синей, в которой Шорохов был вчера, не оказалось разрывов или явных следов крови. Ботинки из портового шкафчика доставили отдельно; на подошвах была обычная смесь угольной крошки и песка. Ни металлической стружки, характерной для ремонтной ямы, ни графитовой смазки с одежды Ремезова при первом осмотре не увидели. Это ещё ничего не исключало, но и не поддерживало готовую картину.

В спальне Киселёв нашёл под стопкой постельного белья жестяную коробку из-под печенья. Лариса сказала, что видит её впервые.

В коробке лежали конверты. На каждом месяц и сумма: «май — 18», «июнь — 18», «июль — 20». Часть была пустой, три последних — с деньгами. На дне лежала квитанция почтового перевода пятилетней давности и листок с адресом в посёлке Мельничный.

Шорохов встал.

— Это не относится к делу.

— Решать не вам, — сказал Киселёв.

Лариса взяла один конверт, но криминалист остановил её руку.

— Кому ты платишь? — спросила она.

— Никому.

— Тогда зачем прятать от меня двести тысяч?

— Там не двести.

— Ты даже сейчас считаешь?

— Лара, пожалуйста.

В её лице исчез гнев. Осталось что-то хуже — догадка, которой она боялась дать имя.

— У тебя другая женщина?

— Нет.

— Ребёнок?

— Нет.

— Тогда кто?

Шорохов отвернулся к окну.

Ладин прочитал фамилию в квитанции: Аркадий Семёнович Жилов. Перевод был сделан двенадцать лет назад. Адрес совпадал с листком.

— Кто такой Жилов?

— Не знаю.

— Вы отправляли ему деньги.

— Давно было.

— В тот же год, когда получили допуск к главному крану?

Шорохов резко посмотрел на него. Ладин не знал ответа; в деле была только дата перевода. Реакция сказала больше, чем расчёт.

— Вы копались в моей работе?

— Пока только читаю бумагу из вашей коробки.

Киселёв перевернул пустой конверт. На обороте проступила карандашная запись: «А. Ж. — лично». В другом стояло: «лекарства». На третьем — «до пятницы».

— Вы ездили к Жилову вчера? — спросил Ладин.

— Нет.

— После порта?

— Нет.

— Телефон выключили, чтобы жена не увидела маршрут?

— Я сказал: разрядился.

— Деньги в этом месяце ещё здесь. Может быть, вы собирались передать их вчера и не передали. Поэтому катались до переправы.

Шорохов молчал. Лариса села на край стула.

— Я думала, мы копим Маринке на институт, — сказала она. — Ты говорил, премию не дали.

— Нашей Маринке пятнадцать. Успеем.

— Ты двенадцать лет кому-то платишь и говоришь «успеем»?

Ладин услышал имя дочери и невольно посмотрел на семейную фотографию. Девочка между родителями держала грамоту. Лариса положила ладони на колени точно так же, как недавно её муж в кабинете.

— Мы закончим аккуратно, — сказал Ладин. — Вам выдадут копию протокола. Деньги пересчитают при понятых.

— Мне не деньги нужны, — ответила она.

Шорохов впервые посмотрел на жену прямо.

— Это старое.

— Старое не лежит свежими купюрами.

В отделе конверты разложили по датам. Почтовые переводы шли первые два года, затем прекратились. Киселёв запросил архив платежей и сведения о Жилове. Ответ из портового отдела кадров пришёл быстро: Аркадий Жилов работал крановщиком до производственной травмы двенадцать лет назад. После комиссии его уволили по состоянию здоровья. В материалах проверки главным свидетелем стоял Илья Шорохов.

— Вот и долг, — сказал Киселёв.

— Пока выплаты, — ответил Ладин. — Долгом их назовёт тот, кто платит, или тот, кто получает.

— Совпадение слишком красивое.

— Красивые совпадения особенно любят превращаться в ошибки.

Он попросил принести старое дело. Архивист предупредил, что папка хранится на другом складе и будет к вечеру. Киселёв тем временем нашёл номер Жилова. Телефон был включён, но никто не отвечал.

Повторный разговор с Шороховым начался после полудня. На столе больше не было фотографии перчатки. Лежали только копия перевода и список конвертов.

— Вы знали, что Ремезов интересовался вашей старой сменой? — спросил Ладин.

Шорохов не ответил.

— Он мог узнать о Жилове?

— Ремезов всё вынюхивал.

— Требовал деньги за молчание?

— Нет.

— Угрожал рассказать жене?

— Нет.

— Начальству?

— Я сказал нет.

— Тогда почему при его фамилии вы выключаете телефон и врёте о времени?

Шорохов наклонился вперёд.

— Вы хотите, чтобы всё сошлось. Перчатка моя, кровь его, деньги чужому человеку. Сложили кучкой — и можно домой.

— Я как раз не хочу складывать то, между чем нет связи. Помогите её установить или исключить.

— Если расскажу про Жилова, вы всё равно скажете, что я ездил убивать Ремезова.

— Я скажу то, что подтверждается.

— Вы уже решили.

Ладин вспомнил, как утром говорил Киселёву об удобной цепочке. Теперь те же слова стояли между ним и человеком, чья вещь лежала возле тела.

— Если бы решил, вы сидели бы в другом статусе, — сказал он. — Но время работает не на вас. Человек, которому вы платили, может уехать. Следы исчезают. Ваша ложь остаётся.

— Я не убивал.

— Это не объяснение.

— Другого не будет.

Шорохов откинулся на спинку стула. Разговор закончился.

Из лаборатории позвонили ближе к вечеру. Кровь на левой перчатке точно принадлежала Ремезову. На внешней поверхности обнаружили также частицы портовой грязи, но характерной металлической смеси из ангара пока не выделили. Пот внутри принадлежал Шорохову. Чужих пригодных следов не нашли: ткань была мокрой, а затем лежала под дождём.

— Количество крови? — спросил Ладин.

— Небольшой мазок на пальцах и у манжеты, — ответил эксперт. — Не пропитывание.

— Брызги?

— Предварительно нет. О форме скажем после полного исследования.

Ладин записал слово «мазок» и обвёл один раз. Этого было мало для вывода. Достаточно лишь для нового вопроса.

Киселёв вошёл с распечаткой дорожной камеры.

— Нашли машину Шорохова. В двадцать два тридцать восемь она прошла поворот на Мельничный. Обратно — в двадцать три семнадцать. До дома Жилова от поворота семь минут.

— Камера видит водителя?

— Только номер и силуэт.

— На переправе его нашли позже. Значит, маршрут складывается.

— Он ездил к Жилову.

— Или в ту сторону.

— Опять осторожничаете.

— Пока это экономит нам извинения.

Ладин посмотрел на часы. До Мельничного можно было доехать до темноты. Он распорядился, чтобы Шорохова не отпускали без оформления всех оснований и решения прокурора, но и не превращали молчание в повод для незаконного давления.

У выхода Киселёв остановился.

— Если Жилов подтвердит встречу, алиби появится?

— Не полное. Время дороги оставляет промежуток. Но станет ясно, о чём Шорохов врёт.

— А если не подтвердит?

— Тогда у нас будут два человека, которые одинаково берегут старую историю.

На крыльце отдела снова начинался дождь. Ладин натянул воротник и подумал о правой перчатке на домашней полке. Пара была цела утром в день убийства. Левая оказалась у мёртвого. Между этими двумя точками Шорохов поставил двенадцать лет лжи и коробку конвертов.

Но кровь на ткани всё ещё не рассказывала, как туда попала.

— В Мельничный, — сказал Ладин. — Найдём человека, которому платят за молчание.

Глава 7. Старый долг

До Мельничного дорога шла вдоль реки, потом ныряла между пустыми огородами и складами бывшего комбикормового завода. Дождь не усиливался, но висел в воздухе мелкой взвесью. Фары выхватывали мокрые заборы, автобусные остановки без людей и редкие окна, за которыми уже горел вечерний свет.

Киселёв вёл служебную машину и дважды порывался сказать, что всё наконец встаёт на место. Оба раза Ладин молчал, и помощник проглатывал начало фразы. На заднем сиденье лежала папка с копиями квитанций, фотографией перчатки и распечаткой дорожных камер. Бумаги не складывались в доказательство убийства, сколько ни клади их рядом.

— Если он подтвердит встречу, Шорохов выдохнет, — сказал Киселёв, когда до посёлка оставалось три километра.

— Не выдохнет.

— Почему?

— Потому что двенадцать лет скрывал не поездку.

— А если Жилов скажет, что денег не получал?

— Тогда спросим, почему свежий адрес лежит рядом с конвертами.

— Вы уже решили, что конверт свежий?

Ладин повернул голову. Киселёв смотрел на дорогу и едва заметно улыбался.

— Наконец-то, — сказал Ладин. — Хоть кто-то меня поправил до протокола.

Дом Жилова стоял на краю посёлка, за магазином и водонапорной башней. Низкий, обшитый серой доской, с новым листом железа над крыльцом. Калитка была не заперта. От неё к дому тянулась дорожка из половинок кирпича, уложенных так тесно, чтобы между ними проходил костыль.

На стук никто не ответил. Ладин увидел свет в глубине дома и постучал снова, громче. За дверью что-то упало, потом послышался неровный шаг. Замок повернулся не сразу.

Аркадий Жилов оказался крупнее, чем представлялся по старой карточке отдела кадров. Плечи ещё держали прежнюю силу, но левую ногу он берёг. Под домашними брюками угадывался жёсткий наколенник, в правой руке был алюминиевый костыль. Волосы почти седые, лицо красное от печного жара.

— Полиция? — спросил он, увидев удостоверение. — С Ильёй что?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

— Жив, — ответил Ладин. — Нам нужно поговорить о вчерашнем вечере.

— Не о чем.

Жилов начал закрывать дверь, но не рассчитал опору. Наконечник костыля скользнул по мокрой доске. Киселёв придержал створку, Ладин — человека за локоть. Жилов вырвался так резко, словно помощь была попыткой обыска.

— Без рук.

— Тогда отойдём с дождя, — сказал Ладин. — Можно здесь. Но вам стоять неудобно.

Жилов посмотрел мимо них на машину. Наверное, увидел, что соседка напротив уже отдёрнула занавеску.

— Пять минут.

В прихожей пахло дровами, мазью и жареным луком. На стене висела рабочая куртка старого образца с выцветшей эмблемой порта. Под ней стояли две пары обуви: обычный ботинок и высокий ортопедический, прошитый толстой нитью. Жилов провёл гостей на кухню, сам сел у печи и положил костыль рядом.

— Когда вы последний раз видели Илью Петровича Шорохова? — спросил Ладин.

— Лет десять назад.

— Уверены?

— Если бы не был уверен, сказал бы «не помню».

— Вчера после десяти вечера он сюда приезжал?

— Нет.

— Его машина прошла поворот к Мельничному в двадцать два тридцать восемь, обратно — в двадцать три семнадцать.

— Мало ли кто ездит по этой дороге.

— Машина его.

— Значит, ехал не ко мне.

Жилов отвечал без пауз. Готовые слова лежали близко, как поленья возле печи. Ладин достал копию почтовой квитанции и положил на клеёнку.

— Двенадцать лет назад Шорохов перевёл вам деньги.

— Мог перевести.

— За что?

— Спросите у него.

— Он говорит, что вас не знает.

Жилов фыркнул.

— Вот у него и спрашивайте.

— Вы тоже говорите, что десять лет не виделись. Кто из вас врёт меньше?

— Закон придумали — сами считайте.

На краю стола лежали лекарства. Ладин не читал названий, только заметил аптечный чек под коробками. Бумага была вчерашняя. Рядом стояла сахарница, а под ней белел угол плотной бумаги. Жилов проследил за его взглядом и передвинул сахарницу.

— Мы не пришли считать ваши деньги, — сказал Ладин.

— Тогда не считайте.

— Но если Шорохов передал вам вчера конверт, это объяснит часть его маршрута.

— Не передавал.

— И не звонил?

— Не звонил.

— Он был должен приехать?

— Нет.

Жилов поднялся, опираясь ладонью на стол. Клеёнка потянулась, сахарница сдвинулась. Из-под неё выскользнул край конверта. На нём карандашом было написано: «октябрь — 20».

Никто не заговорил. Жилов медленно сел обратно и положил ладонь на конверт.

— Это моё.

— Не спорю, — сказал Ладин. — Откуда он?

— Накопил.

— Сам себе подписали месяц и сумму тем же способом, каким подписаны конверты у Шорохова?

Жилов сжал бумагу. Внутри хрустнули купюры.

— Обыскивать будете?

— Если понадобится, получим основание. Сейчас я предлагаю вам объяснить добровольно.

— А если не объясню?

— За один конверт вас не увезут. Но ложь о вчерашней встрече останется. И мы будем проверять её дольше и громче, чем вам, похоже, хочется.

Жилов посмотрел на окно. За стеклом соседка уже не пряталась. Она вышла под навес и делала вид, что стряхивает половик.

— Не вчера он приезжал, — сказал Жилов.

— Когда?

— Позавчера.

— Во сколько?

— После работы.

— Точнее.

— Не помню.

— Вчерашний чек из аптеки лежит рядом. Конверт тоже за октябрь. Шорохова видит камера. Не заставляйте нас доказывать очевидное по минутам.

Жилов провёл большим пальцем по краю конверта.

— Он не заходил.

— Уже лучше. Где встретились?

— Нигде.

— Аркадий Семёнович, человек погиб. Перчатка Шорохова лежала возле тела. На ткани кровь убитого. Сам Шорохов врёт о времени и о вас. Если вы можете подтвердить хотя бы часть его пути и молчите, вы не бережёте его. Вы помогаете тому, кто оставил перчатку.

Жилов побледнел не сразу. Сначала у него дрогнули пальцы, потом лицо словно осело.

— Кровь?

— Да.

— Он сказал, потерял одну.

— Когда сказал?

Жилов понял, что ответил, и закрыл глаза.

— Вчера, — произнёс он. — В машине.

Киселёв достал бланк. Ладин остановил его жестом. Сначала нужно было услышать рассказ целиком, без дробления на строки протокола.

— Где стояла машина?

— У старого молокозавода. Там площадка за котельной. Он никогда к дому не подъезжает.

— Почему?

— Люди языками мелют.

— Во сколько вы туда пришли?

— Около без двадцати одиннадцать. Может, позже.

— Как узнали о встрече?

— Он днём передал через знакомого, что будет. Мы телефоны для этого не используем.

— Кто знакомый?

— Не впутывайте людей. Скажите лучше, Илью отпустят?

— Сначала время. Сколько он был с вами?

— Минут десять. Не больше.

— Что передал?

Жилов приподнял конверт.

— Двадцать тысяч.

— Почему у Шорохова дома лежат три конверта с деньгами, в том числе за октябрь?

— Это другой октябрь.

— В году один.

— Он иногда делит. Если лекарства дорогие, привозит ещё.

Ладин видел, что эта часть может быть правдой: сумма на конверте совпадала, но домашние заготовки не обязательно обозначали уже переданные деньги. Всё равно нужно будет сверить номера купюр, снятие наличных и почерк.

— О чём говорили?

— Ни о чём.

— Шорохов сказал, что потерял перчатку. Что ещё?

Жилов дёрнул плечом.

— Что в порту нашли человека. Что его будут таскать. Просил, если спросят, не говорить про деньги.

— Почему?

— Потому что вы всё пачкаете одним ведром. Деньги, авария, мёртвый — и выходит, что он заплатил мне за убийство или я ему помог.

— А вы не помогали?

Жилов ударил ладонью по столу. Коробки лекарств подпрыгнули.

— С этой ногой я трупы по причалам таскаю? Вы посмотрите.

— Я смотрю. И спрашиваю не только о переносе. Вы были в порту вчера?

— Нет.

— Кто это подтвердит?

— До десяти был у сестры. Потом дома.

— Имя и адрес сестры запишем. Что случилось двенадцать лет назад?

— Ничего.

— За ничего ежемесячно не платят.

Жилов поставил костыль вертикально между коленями и уставился на резиновый наконечник.

— Он считает, что должен.

— А вы?

— Я беру.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Допрос оформили на кухне. Жилов несколько раз менял минуты, но держался основного: встретился с Шороховым на площадке за бывшим молокозаводом примерно между 22:43 и 22:55, получил конверт, услышал о найденном теле и просьбу скрыть выплаты. Шорохов уехал один. Жилов не видел на нём крови, повреждений или мокрой одежды; в салон не садился и левую руку разглядеть не мог. Рассказ закрывал часть пути, но не весь промежуток после проходной. От порта до площадки при пустой дороге ехать было двенадцать минут. Камера показала Шорохова у поворота только через двадцать четыре минуты после выезда. Оставались минуты, которых хватало для остановки, но не объясняли, где он был.

Перед уходом Ладин спросил:

— Почему вы оба сразу солгали?

Жилов посмотрел на свою ногу.

— Потому что правда уже один раз ничего не исправила.

Архив районного управления занимал бывшую котельную за судом. Папку о несчастном случае доставили туда к семи вечера. Архивистка ждала у входа, сердитая на задержавшегося водителя и на следствие вообще. Она выдала Ладину серую коробку, журнал и две пары хлопчатых перчаток.

— Не вырывать, не загибать, чай рядом не ставить, — сказала она. — В прошлый раз ваши вернули дело с крошками.

— Мы сегодня уже на конверты насмотрелись, — ответил Киселёв. — Есть не будем.

В читальном помещении было холоднее, чем на улице. Ладин включил настольную лампу. На обложке стояла дата, номер крана и фамилия Жилова. Внутри лежали акт, схема площадки, фотографии сорванной стропы, медицинское заключение и объяснения смены.

Двенадцать лет назад металлическая балка пошла в сторону при подъёме. Жилов находился на нижней площадке и не успел отойти. Груз прижал ногу к ограждению. Комиссия записала причиной нарушение сигнала и самовольный выход в опасную зону. Главным свиде-

тельством стало объяснение молодого крановщика Шорохова: «Жилов подал знак продолжать подъём и вошёл под груз после предупреждения».

— Похоже на обычную дурь, — сказал Киселёв.

— Обычная дурь тоже должна оставлять следы.

Ладин разложил листы по времени. Наряд на работу подписан в 17:40. Осмотр стропы — в 17:45. Авария — в 18:12. В объяснении мастера сказано, что кран остановили сразу. Но в журнале механика значилась замена концевого выключателя в 19:05, уже после того как Жилова увезли.

— Выключатель мог сломаться при ударе, — предположил Киселёв.

— Мог. И мог не иметь отношения. Ищем не удобную причину, а противоречие.

На обороте фотографии кто-то карандашом написал: «правый ограничитель не сработал». Надпись была затёрта, но читалась под боковым светом. В итоговом акте о ней не упоминалось. Зато там стояла фраза, почти дословно повторявшая показание Шорохова: Жилов проигнорировал предупреждение.

Ладин нашёл первое объяснение стропальщика Круглова. Тот писал, что сигнала на продолжение подъёма не видел, а кран начал движение сам. Ниже прикреплялся второй лист, датированный следующим днём: Круглов уже «не мог уверенно судить» из-за плохого обзора. Рядом лежала служебная записка о неисправности, составленная за три дня до аварии. На ней стояла резолюция: «Работать до плановой остановки, контроль возложить на И. Шорохова».

Киселёв присвистнул.

— Он знал.

— Знал о записке. Не обязательно понимал, что отказ повторится.

— А потом свалил на Жилова.

Ладин перелистнул медицинские бумаги. Раздробление коленного сустава, повреждение сосудов, несколько операций. Комиссия установила стойкую утрату трудоспособности. Предприятие выплатило разовую компенсацию, затем отказало в дополнительных выплатах, потому что основной причиной признали нарушение самим пострадавшим.

В конце папки лежала копия жалобы Жилова. Он утверждал, что сигнал остановки подал Круглов, а Шорохов после рывка пытался вернуть балку и тем усилил прижатие. Жалобу отклонили: показания работников противоречивы, новые доказательства отсутствуют.

— Вот за что деньги, — сказал Киселёв.

— Возможно.

— Что ещё нужно?

— Его слова.

— Он двенадцать лет платит. Это признание без подписи.

— Это поступок без объяснения. На суде разница станет большой.

Ладин достал телефон и попросил дежурного снова привести Шорохова в кабинет, но не начинать без него. Потом сфотографировал каждый значимый лист по правилам архива и заказал заверенные копии.

Шорохов сидел там же, где утром. Только теперь рубашка была помята, а щетина темнела сильнее. Перед ним не положили ни перчатку, ни фотографии тела. Ладин поставил папку об аварии и свежий протокол Жилова.

— Он подтвердил встречу, — сказал Шорохов.

Это не было вопросом.

— Подтвердил.

Шорохов выдохнул и опустил голову.

— Значит, всё?

— Нет. Он говорит, вы приехали около без четверти одиннадцать. Выезд из порта зафиксирован в двадцать два четырнадцать. До площадки двенадцать минут. Где были ещё примерно двенадцать?

— Ехал.

— По прямой дороге вдвое дольше?

— Стоял у заправки.

— Зачем?

— Думал, ехать или нет.

— Почему не сказали утром?

— Потому что тогда пришлось бы сказать, к кому.

Ладин открыл старое дело на служебной записке о неисправности.

— Вы знали, что правый ограничитель иногда не срабатывает.

Шорохов не притронулся к листу.

— Все знали.

— После аварии вы показали, что Жилов сам подал сигнал и вошёл под груз.

— Так записали.

— Вы подписали.

— Мне было двадцать семь. Мастер сказал: если признают технику, кран остановят, смену разгонят, меня посадят за то, что работал с неисправностью. Аркадий уже лежал в больнице. Ногу ему мои слова не возвращали.

— Зато отняли часть компенсации.

Шорохов провёл ладонью по столу, будто стирал невидимую пыль.

— Потом узнал.

— Когда?

— Через месяц. Он пришёл на костылях. Хотел, чтобы я сказал правду на пересмотре. Я не сказал.

— Почему?

— Потому что к тому времени соврал уже три раза. Комиссии, начальнику, жене. Чем дальше, тем правда становилась дороже.

— Поэтому начали платить?

— Сначала переводил. Он возвращал. Потом у его матери нашли рак, нужны были лекарства. Взял один раз. Дальше брал.

— По договорённости?

— Нет никакой договорённости. Я приношу, он иногда берёт, иногда швыряет в машину. Бывает, не разговариваем по полгода.

— Это плата за молчание?

Шорохов поднял глаза.

— Он никому не молчит. Писал жалобы, ходил в прокуратуру. Просто ему не поверили. Плачу я не за него. За себя.

— Ремезов знал?

— Думаю, начал догадываться. Видел, как я снимал деньги, спрашивал. Потом назвал Жилова по фамилии и сказал, что старые бумаги иногда стоят дороже новых.

— Когда?

— Неделю назад.

— Чего хотел?

— Пока ничего. Улыбался. Он всегда сначала давал человеку самому придумать цену.

— Вчера вы встречались с Ремезовым после смены?

— Нет.

— Он мог взять вашу перчатку?

— Не знаю.

— Вы сказали Жилову, что потеряли левую. Когда заметили?

Шорохов долго смотрел на свои руки.

— У проходной. Сунул руки в карманы, правая есть, левой нет. Возвращаться не стал.

— Почему?

— Ремезова уже нашли. Я видел суету у причала. Если бы пошёл искать перчатку, меня бы там и оставили.

— Где держали пару до конца смены?

— В карманах куртки. Иногда бросал на пульт. В раздевалке снимал куртку минут на десять, ходил к мастеру.

— Кто был рядом?

— Полсмены. Костин заходил, Гранов, водители.

Имя Костина прозвучало среди прочих, без нажима. Ладин не стал выделять его вопросом. Рано. Важно было другое: у перчатки появился промежуток, когда её мог взять посторонний, но пока только со слов подозреваемого.

— Почему выключили телефон?

— Жена видит, где я. Мы включили семейный доступ, когда дочь стала поздно возвращаться. Лариса тоже смотрит. Я выключил, чтобы не увидела Мельничный.

— Она думала, деньги идут дочери на институт.

Шорохов закрыл лицо ладонями.

— Знаю.

— Теперь знает иначе.

— Знаю.

— Старый долг объясняет ложь о поездке. Не кровь на перчатке и не лишние минуты. Вы это понимаете?

— Понимаю.

— И если опять оставите нам дыру, её заполнит тот, кому выгодно.

Шорохов опустил руки.

— У заправки есть камера. Я стоял за рекламным щитом, но выезд, может, видно. В двадцать два двадцать с чем-то. Не знаю точно.

Киселёв уже записывал адрес.

— Почему Жилов сначала отрицал встречу? — спросил Ладин.

— Я попросил.

— До того, как узнали про кровь?

— Я знал только, что перчатка пропала и Ремезов мёртв. Этого хватило.

Ладин закрыл папку. Теперь ложь Шорохова имела форму и причину. Она была тяжёлой, постыдной, многолетней. Но старое свидетельство против искалеченного напарника не превращалось само собой в удар по Ремезову. Наоборот, чем яснее становился долг, тем опаснее было принять его за мотив нового преступления.

В коридоре Киселёв сказал:

— Всё равно выглядит плохо. Ремезов шантажировал его аварией, перчатка у тела, время врёт.

— Выглядит.

— Но вы ему верите.

— Я верю документу, когда он совпадает с другим документом. Человеку — только в той части, которую можем проверить.

— Камеру заправки сейчас запросим.

— И сестру Жилова. И номера купюр. И посредника, который передал время встречи.

— Если всё совпадёт?

— Останутся минуты между портом и заправкой. И перчатка.

Они вышли на улицу. Дождь наконец прекратился. На чёрном асфальте отражались окна отдела, и каждое отражение ломалось под колёсами проезжавших машин.

Ладин позвонил Марине. Она ответила не сразу.

— Ты ещё на работе? — спросил он.

— Уже дома. Что случилось?

Раньше он начал бы с вопроса о ране Ремезова, потребовал бы вспомнить ещё одну мелочь. Теперь сказал:

— Ничего срочного. Хотел узнать, как ты.

На другом конце было тихо.

— Устала, — ответила Марина. — А ты?

— Тоже.

— Это всё?

— На сегодня — да.

Она помолчала, затем сказала, что поставит чайник, если он заедет. Ладин обещал, но не назвал время. После звонка он ещё несколько секунд держал телефон в руке.

Киселёв сделал вид, что проверяет сообщения.

— В весовой Нина Савельева снова просит поговорить, — сказал он. — Говорит, вчера неточно вспомнила второе взвешивание.

— Сама позвонила?

— Через адвоката Гранова.

Ладин посмотрел на тёмную сторону города, где за домами стояли краны порта. Один свидетель только что признал ложь, которой было двенадцать лет. Другой собирался изменить вчерашние слова за сутки.

— Значит, старый долг мы нашли, — сказал он. — Теперь посмотрим, кто создаёт новый.

Глава 8. Чужая смена

Камера на заправке принадлежала не самой заправке, а шиномонтажу через дорогу. Хозяин мастерской жил на втором этаже и согласился спуститься только после третьего звонка. Он пришёл в домашних шлёпанцах, набросив на майку старую дублёнку, открыл железную дверь и долго искал выключатель.

— Если у вас опять из-за солярки, то мой двор ни при чём, — сказал он. — Фуры у колонки стоят, камеры смотрят наружу.

— Нам и нужна дорога, — ответил Ладин.

В тесной конторе пахло резиной и растворимым кофе. Монитор показывал четыре мутных прямоугольника. На одном серела дорога к Мельничному, на другом — край заправки и рекламный щит. Запись хранилась семь дней.

Киселёв назвал время. Хозяин прокрутил изображение, ругаясь на мышь. В 22:19 у щита остановилась тёмная машина. Номер закрывала стойка рекламы, но совпадали кузов, повреждение на заднем бампере и светлая наклейка в верхнем углу стекла. Фары погасли. Водитель не выходил. В 22:27 машина тронулась к посёлку.

— Восемь минут, — сказал Киселёв.

Ладин сверил часы на двух камерах. Запись шиномонтажа отставала на три минуты: это установили по автобусу, который одновременно попал на городскую систему. Исправленное время давало остановку с 22:22 до 22:30. До поворота, где номер Шорохова прочитала дорожная камера, оставалось восемь минут. Он прошёл её в 22:38.

— Маршрут сошёлся, — сказал Киселёв.

— Маршрут после заправки.

— От проходной сюда семь минут.

— Если ехать без остановки — девять. Он выехал в 22:14, появился здесь в 22:22. Почти сходится.

— Значит, дыры нет.

— Есть время от последнего подтверждённого места в порту до проходной. И есть вопрос, когда исчезла перчатка.

Они скопировали запись на новый накопитель, составили акт и опечатали оригинальный файл на сервере мастерской. Хозяин всё время стоял рядом и спрашивал, получит ли он флешку обратно. Киселёв пообещал выдать расписку, но не вернуть вещественное доказательство до решения по делу.

На улице уже светало. Небо над рекой стало серым, одинаковым с водой. Ладин заехал домой на сорок минут, принял душ и нашёл на кухонном столе записку Марины: «Чай в термосе. Не будила». Она всё-таки дождалась его, но уснула в комнате, где когда-то жила до института. Он не стал открывать дверь. Выпил чай стоя и уехал в отдел.

Нина Савельева пришла в девять с адвокатом Гранова. Адвоката звали Станислав Бекетов; он был молод, безупречно выбрит и держал папку так, словно в ней лежал ответ на любой вопрос. Нина шла рядом, чуть позади. На ней было то же коричневое пальто, что в день первого разговора, только пуговицы застёгнуты не по порядку.

— Моя доверительница желает уточнить ранее данные объяснения, — сказал Бекетов ещё в коридоре.

— В каком качестве вы её представляете? — спросил Ладин.

— Оказываю юридическую помощь свидетелю.

— Кто оплачивает помощь?

— Это не относится к предмету допроса.

— Относится к оценке возможного давления. Ответ можно дать в кабинете.

Нина посмотрела на адвоката, но тот уже открывал дверь.

Ладин посадил её напротив, Бекетова — сбоку. Киселёв включил запись. Перед началом Ладин разъяснил права и отдельно сказал, что свидетель вправе отказаться от конкретного адвоката, пригласить другого или дать показания без него. Бекетов усмехнулся.

— Не нужно внушать человеку недоверие к защитнику.

— Я перечисляю варианты, — ответил Ладин. — Нина Павловна, вы понимаете?

— Да.

— Хотите, чтобы Станислав Олегович присутствовал?

Она задержала взгляд на его папке.

— Пусть.

— Кто оплачивает его работу?

— Предприятие, — сказал Бекетов.

— Я спросил Нину Павловну.

— Гранов, — тихо ответила она. — То есть фирма. Нам сказали, всем дадут юриста, чтобы никто лишнего не подписал.

— Кто сказал?

— Начальник отдела кадров.

— Имя?

— Тамара Юрьевна Субботина.

Бекетов придвинул к Нине лист.

— Моя доверительница пришла исправить существенную неточность. Не вижу причин превращать заботу работодателя в угрозу.

— Исправим неточность, — сказал Ладин. — Нина Павловна, расскажите своими словами.

Она сцепила пальцы.

— Я перепутала машины. Тот контейнер проходил один раз. Второй вес относился к другой платформе.

— Какой?

— Не помню номер.

— В первом объяснении вы назвали тягач, цвет кабины и водителя. Сказали, что Костин велел считать первый результат ошибкой. Что именно перепутали?

— Всё было быстро. Я после ночной смены.

— Вы давали объяснение днём, до ночной смены.

Нина сжала пальцы сильнее.

— Значит, устала перед сменой.

Бекетов поднял руку.

— Следователь оказывает давление формулировкой.

— Я сопоставляю её слова с временем. Нина Павловна, Костин подходил к вам после первого взвешивания?

— Подходил.

— Что сказал?

— Не помню.

— Ремезов звонил в 22:03 и 22:19. Вы отвечали?

— Один раз.

— Какой?

— Первый.

— Телефонная станция показывает соединение в оба времени.

— Мог ответить Лев Борисович.

— Вчера вы сказали, что второй раз подняли трубку сами, а Костин стоял рядом и жестом велел закончить разговор.

Нина облизнула губы.

— Я могла додумать потом.

— Зачем?

— Не знаю.

— Вас просили изменить показания?

— Нет.

— Обещали сохранить работу сына?

Бекетов резко закрыл папку.

— Возражаю. Это наводящий вопрос, не основанный ни на одном представленном факте.

Нина посмотрела на него. Ладину хватило этого взгляда. Она боялась не вопроса, а того, что он прозвучал при адвокате.

— Где работает ваш сын? — спросил Ладин.

— В ремонтной бригаде.

— У Гранова?

— По срочному договору.

— Когда договор заканчивается?

— В пятницу.

— Его собирались продлить?

— Говорили, что да.

— Кто говорил?

— Мастер.

— А после вашего первого объяснения?

Нина молчала. Бекетов наклонился к ней и напомнил, что она не обязана отвечать на вопросы, способные причинить вред близкому родственнику. Формально он говорил спокойно. Но слова прозвучали как подсказка: вред уже рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.